

К 70-летию разгрома
фашистских армий
под Москвой

Кричи, память!

Москва – 1941 – Миусы

Записки партизана

Москва
2011

УДК 947. 048.8
ББК 91.9:68
К 82

Рецензент:
Директор музея истории РХТУ им. Д.И. Менделеева,
доцент
А. К. Акылакунова

Кричи, память!

к82 Сборник к 70-летию разгрома фашистских армий под Москвой / Составители А. П. Жуков, Н.Ю. Денисова, В.И. Кузин. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2011 . – 140 с.

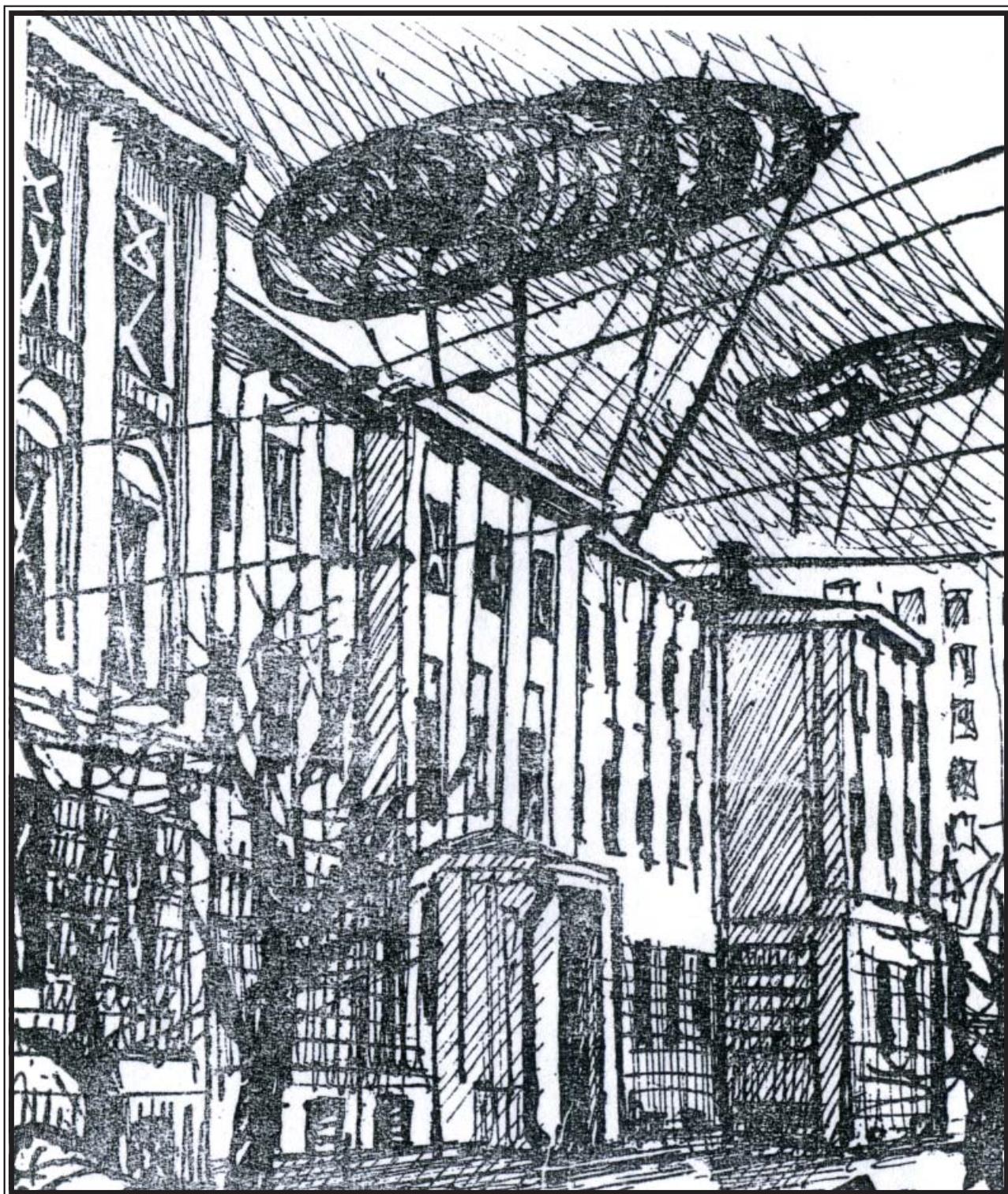
ISBN 978-5-7237-0966-9

Сборник состоит из двух частей: Москва –1941 –Миусы, с воспоминаниями о менделеевцах – участниках и очевидцах Великой битвы Великой Отечественной войны и Записки партизана – Героя Советского Союза Ильи Николаевича Кузина.

УДК 947. 048.8
ББК 91.9:68

ISBN 978-5-7237-0966-9

© Составление.
Российский химико –
технологический университет
им. Д. И. Менделеева, 2011.

МХТИ им. Д.И. Менделеева, суровый 1941-й...

Рисунок А. Макарова

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою –
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим, отбросим врага!

Алексей Сурков

Генерал **Борис ГРОМОВ**, губернатор Московской области о великой битве советского народа на полях Подмосковья:
«Мы детям и внукам должны сказать: гордитесь подвигом народа!»

70 лет назад в ходе Московской битвы произошел один из ключевых, таких же, как в 1812 году на Бородинском поле, поворотных моментов в судьбе нашего государства. Осенью и зимой 41-го Москва могла пасть. И что тогда? К счастью, ответа на этот вопрос никогда не будет. Потому что история дала другое решение. Гитлеровская машина была впервые в ходе мировой войны остановлена в подмосковных снегах. А затем и отброшена от стен Кремля. Такого поражения немецкий фашизм еще не знал. И вот в Советском Союзе с ним это случилось. «Виной» тому была вся наша страна. Сибирские полки, в рядах которых воевали представители всех народов страны, ополченцы московского региона сокрушили врага. Такое не забывается, и мы просто обязаны всем миром поклониться подвигу защитников Москвы и детям и внукам своим сказать: берегите эту славу, гордитесь ею. А еще мы должны им этим сказать: никому не позволяйте умалять значение и величие подвига нашей страны и армии в той страшной войне.

От начала до конца все это грандиозное действо разворачивалось на подмосковных просторах. Пламя войны опалило тут каждый город и каждое село. Немцами за время оккупации было разрушено 2280 населенных пунктов, из которых почти 600 сожгли дотла. Земля помнит и еще многие люди, живущие здесь, помнят нашествие. Поэтому каждый год, а в юбилеи особенно, Подмосковье вместе со всей страной вновь и вновь возвращается к тем событиям. Воздаёт дань памяти погибшим, восхищается массовым подвигом старшего поко-

Кричи, память!

ления. А молодое поколение в эти дни и месяцы прикосновения к героическому имеет возможность не по книжкам, не по ущербным соросовским учебникам, а в реальности пройти по местам былых сражений, прикоснуться сердцем к своей великой истории. Такие уроки не проходят бесследно – они закаляют ребят духовно. В ходе юбилейных мероприятий мы это видим на каждом шагу, повсеместно. В последние годы, а в такие дни еще отчетливей наблюдается небывалый патриотический подъем у ребят, их осознанная тяга к подвигу отцов и дедов. Это тоже можно считать одним из важнейших результатов той победы в 41-м. Победы окрыляют, служат духовному росту. Но, повторяюсь, – если об этих победах напоминать, обращать к ним духовный взор.

У нас очень много не просто мероприятий, а целых проектов по подготовке и проведению празднования юбилея. Несколько лет назад начато обследование и составление первичной документации по всем 2245 памятникам воинской славы на территории Московской области, включая воинские захоронения. Постановлением областного правительства 50 братских захоронений советских воинов было поставлено под охрану государства. Сейчас эта важная работа продолжается. Проводятся встречи ветеранов, их чествования, фестивали патриотической песни. Новыми реликвиями пополняются экспозиции музеев, организуются новые тематические выставки.

В преддверии предыдущего юбилея – 60-летия Великой Победы – поисковики области нашли останки почти двух тысяч бойцов, установили десятки имен погибших. Кто ищет? В основном молодые ребята и девчонки с участием представителей воинских частей. И это здорово! Они идут по следу войны. Вырывают у нее из забвения имена погибших. Это их бой. Нравственный. Очень важный для них самих и для общества. Из него ребята выходят на голову выше себя прежних, до того, как они ушли в свой первый поиск. Захоронения останков погибших воинов состоялись в Рузском, Клинском, Дмитровском, Подольском, Можайском и Волоколамский районах.

МОСКВА - 1941 - МИУСЫ

Кричи, память!

Сегодня была война

А. Жуков, директор Центра истории РХТУ

Накануне Великой Отечественной войны (собственно война с фашизмом уже шла – боевые операции в Испании, на Халхинголе, говорили о том, что скоро загремит по всему свету) началось пополнение боевых рядов Красной Армии. Нужны были грамотные, толковые парни на должности младшего командного состава. В октябре 1939 г. в ряды Красной Армии были призваны студенты 1-го курса МХТИ, которые затем стали непосредственными участниками Великой Отечественной. А через месяц первая группа студентов-добровольцев (19 человек) отправилась на фронт «странной» войны – разведки боем перед основными сражениями 40-х. На советско-финляндский фронт в составе 10-го отдельного легкоколыжного батальона ушли: Р. Эпштейн, В. Попов, А. Гельбштейн, П. Мушулов, М. Оськин, С. Павлов, А. Нюнин, В. Александров, И. Василевский, И. Дубин, Б. И. Борисов, Б.Г. Борисов, В. Поляков, Е. Елькин, В. Кузнецов, И. Кудряшов, В. Богословский, И. Тужилкин, Ю. Люстгартен.

В послевоенные годы в Менделеевке работали (учились) и другие ветераны той трагической зимней войны. Среди них Герой Советского Союза Палилов Иван Константинович, Баршин Николай Никитович, Хожаинов Михаил Иванович и др.

Вернулись не все. В феврале 1940 г. были смертельно ранены Анатолий Нюнин (студент II курса 138 ф-та) и Иван Василевский (студент II курса факультета ТОВ). В первый день перемирия погиб выпускник спецфакультета И. Червинский. Так был открыт скорбный мартиролог нашей дани молоху войны.

В первый же день войны, 22 июня (воскресенье) в МХТИ начал работать штаб МПВО, сформированный заранее. Всему личному составу были разосланы повестки. «К 8 часам вечера, – так пишет директор И. Я. Пильский в своем отчете о работе МХТИ за 1941/42 учебный год, – все сотрудники и студенты были в сборе. Подготовка работы штаба и тренировки были

Кричи, память!

проведены еще в 1940/41 учебном году. Часть сотрудников и студентов прошли подготовку на курсах ОСОАВИАХИМа. В институте проведены работы по светомаскировке, проведено доукомплектование команд, составлен график дежурств».

Начальник объекта МПВО – директор института И. Я. Пильский, начальник штаба Титов, комиссар объекта Д. Ф. Кутепов. В составе подразделения МПВО – команды вышкового поста, (дежурство на крыше), химическая, пожарная, охраны порядка и безопасности, медико-санитарная, аварийно-восстановительная, обслуживания убежищ, радиоузел. Ежедневно дежурили 100-200 человек.

23 июня в БАЗе прошел митинг, и началась запись добровольцев в армию. Подали заявления более 100 человек, но предпочтение отдавали только тем, кто прошел Советско-финскую войну.

По воспоминаниям И. Я. Гузмана (студента тех лет, секретаря комитета ВЛКСМ института) в первый месяц на фронт отправились сравнительно немного менделеевцев и только добровольцы. По мобилизации призвали некоторых позднее, но таких было мало, так как большинство менделеевцев было «забронировано». Часть выпускников 1941 г. прошли подготовку на шестимесячных курсах в Военной академии и лейтенантами были призваны в Красную Армию или направлены на оборонные предприятия. Центром жизни и деятельности института было партийное бюро института, которое тогда возглавляла П.И. Андрейчикова.

Следует отметить, что основная тяжесть дел и повседневных забот легла на плечи девушек. Н. Ефимуркина, К. Шустова, В. Доброва, И. Фурмер и др. возглавляли практически все начинания молодежи. Студенты Менделеевки после июльских бомбёжек разбирали завалы в районе Тишинского рынка, на железнодорожных путях в районе Белорусского вокзала, работали там же на погрузке и выгрузке вагонов. Летом и осенью значительное число студентов (в основном женщины) было мобилизовано на строительство оборонных сооружений

в Смоленской, Калужской, Московской областях.

С первых дней войны были открыты курсы медсестер. Подготовлено 80 человек. Студенты изучали отдельные виды стрелкового вооружения. Затем был организован Всевобуч без отрыва от учебы. Продолжалась мобилизация студентов и преподавателей, как в армию, так и на оборонные предприятия. Группа студентов-менделеевцев и ряд молодых преподавателей, среди которых были будущие профессора Н. М. Жаворонков, Н. С. Торочешников, А. П. Крешков, Д. А. Кузнецов, И. Я. Гузман и другие вошли в состав истребительного батальона для борьбы со шпионами и диверсантами, а также охраны общественного порядка, особенно в ночное время.

22 июля ночью от бомбежки фашистской авиации пострадали корпуса Всехсвятского студгородка. Две «фугаски» попали в здания общежития, сгорел магазин, были выбиты стекла окон и многие двери. Погибли 3 человека, среди них выпускник МХТИ – К. Исаев, ранено – 20 человек. При очередном налете Люфтваффе одна из бомб попала в БАЗ, пробила крышу, но к счастью не взорвалась.

На 15 сентября 1941 г, контингент студентов в институте уменьшился с 1648 до 1053 человек. Учебный год был начат 1 августа, однако часть студентов только к 1 сентября вернулась с оборонных работ. Из абитуриентов было принято 184 москвича. Студенты 3 дня учились, 3 дня работали на оборонных предприятиях. Срок обучения был сокращен до 3 лет и 4 месяцев.

На военный лад вынуждена была перестраиваться вся рутинная работа института – учебная, научно-исследовательская, производственная.

Чрезвычайно актуальными и злободневными стали в первые дни, месяцы войны вопросы организации науки, быстрого внедрения новых разработок в производство. Чтобы выдержать длительную войну, форсировать рост оборонного производства, требовалось эффективно использовать весь научный потенциал страны. Руководством страны было принято решение для сосредоточения всей полноты власти и управле-

ния в области науки назначить специального уполномоченного Государственного комитета обороны и наделить его особыми правами. Менделеевка может гордиться, что этим уполномоченным стал ее выпускник 1931 года председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы – профессор С. В. Кафтанов. Ответственное назначение, которое получил С. В. Кафтанов, было вполне оправданным. В довоенные годы он приобрел широкую известность как ученый-химик, видный организатор науки и высшей школы. Он по праву считался крупным специалистом в области химии твердого топлива.

В своей текущей работе профессор С. В. Кафтанов и его помощники опирались на специально созданный научно-технический совет (НТС). К работе в Совете были привлечены ведущие профессора Менделеевки – В. С. Киселев, З. А. Роговин, Н. Н. Ворожцов, К. К. Андреев, В. В. Коршак, Г. С. Петров и другие. Одним из ближайших помощников уполномоченного по координации и усилению научных исследований в области химии для нужд обороны был Н. М. Жаворонков. Он руководил в НТС секцией порохов, взрывчатых веществ и боеприпасов. Секция была тесно связана с Главным артиллерийским управлением и Управлением военно-воздушных сил Наркомата обороны, с соответствующими управлениями Наркомата военно-морского флота. Наркоматов боеприпасов, химической, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии.

Уже с лета 1941 г. химическая секция НТС начала разрабатывать и претворять в жизнь мероприятия по созданию средств химической и огневой защиты, по повышению качества моторных топлив и масел, по расширению сырьевой и производственной баз, интенсификации технологических процессов получения продукции оборонного значения.

Нельзя удержаться, чтобы не привести текст одной справки, хотя она и была дана Николаю Михайловичу, спустя несколько лет.

«Жаворонков Н. М., будучи помощником Уполномоченном ГКО по делам науки, с сентября 1942 по январь 1944 года кон-

сультировал работы лаборатории Высшей оперативной школы особого назначения и технического отдела Украинского штаба партизанского движения. Одновременно проф. Жаворонков, по просьбе технического отдела, проводил ряд опытов и помогал разместить заказы на опытные образцы. Проф. Жаворонков своей работой содействовал улучшению боевой техники, применяемой партизанами в борьбе против немецких оккупантов и тем содействовал усилению ударов партизан по вражескому тылу. Профессор Жаворонков вполне достоин награждения медалью «За победу над Германией».

Бывший начальник Высшей оперативной школы особого назначения, полковник Старинов».

Для непосвященных добавим Старинов – это тот самый легендарный полковник – теоретик и практик советского спецназа, прототип героя романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол».

В борьбе за Победу у менделеевцев был свой фронт и на Миусах и по всей территории страны.

По заданию Наркомата боеприпасов в институте была создана специальная лаборатория (скорее полукустарное производство) по изготовлению взрывателей и взрывчатых веществ для капсулей артиллерийских снарядов. Созданная в считанные дни пионерская установка позволяла получать до двух тонн опасной продукции. Работали непрерывно. Руководил делом С.В. Горбачев, первый помощник (главный инженер лаборатории Б.Б. Кудрявцев). Среди сотрудников молодые и напористые – М. Карапетьянц, Е. Старостенко, С. Дракин, М. Пуркарн, К. Кучерова, М. Лунина, Л. Устинова, О. Бурмистрова, Н. Бахчисарайцьян и др. (см. заметку «Институт жил и работал»).

В мастерских института с первых дней войны производили мелкие партии материалов для нужд Красной Армии: с 15 июля по 15 сентября изготавливались спички специального назначения (на этих работах было занято 120 студенток), работала

Кричи, память!

мастерская по разработке эффективных воспламеняющих составов для зажигательных бутылок, мастерская по изготовлению средств химической разведки (занято до 80 студентов). Работали до середины октября.

Под руководством Ю. А. Стрепихеева была создана лаборатория индикации ОВ и ВВ, которая обслуживала систему ПВО Москвы. В задачи лаборатории входили: подготовка общеинститутской команды индикации; анализ подозрительных материалов: анализ неразорвавшихся авиабомб; организация курсов для подготовки районных команд индикации системы МПВО. До эвакуации в ней было обучено 400 бойцов городских команд МПВО.

Вызваны были рабочие типографии, цеха фильтров. В типографии печатали фронтовые газеты, инструкции по обращению с минометами и другие фронтовые материалы. Одновременно сотрудники и выпускники МХТИ участвовали в срочных работах по интенсификации производства азотной кислоты на химических комбинатах в Березниках, Чирчике, Кемерово, расширении производства толуола. В Березниках под руководством менделеевцев А. Н. Плановского, С. З. Кагана, В. С. Хайлова в течение первой половины 1942 г. был построен и запущен в эксплуатацию первый в стране цех по получению хлорбензола в комплексе по производству пикриновой кислоты непрерывным методом на заводе №761 Наркомата химической промышленности. При взрыве в цехе во время пусконаладочных работ Виктор Хайлов, сам, будучи контуженным, нашел силу воли и смог вытащить из завалов оборудования и спасти тяжело раненого товарища по работе и однокашника по Менделеевке.

Несмотря на напряженность обстановки, институт в августе - сентябре 1941 г. продолжал работу как крупный учебный и научный центр. Регулярно заседал Ученый Совет, проводились защиты докторских и кандидатских диссертаций. В те дни докторскую диссертацию защитил К. К. Андреев, кандидатские – Е. Ю. Орлова и Г. С. Колесников.

В сентябре 1941 года были законсервированы кафедры технологии полупродуктов и красителей и технологии искусственного волокна. Сотрудники были переведены на другие кафедры, студенты зачислены на спецфак. К октябрю 180 студентов V курса закончили институт, 59 человек выполнили дипломные проекты. Остальные студенты выполнили дипломные работы, работая в промышленности в годы войны.

11 октября 1941 г. был собран актив института и поставлена задача подготовки института к эвакуации в г. Коканд Ферганской области Узбекской ССР. Эвакуацией руководил штаб под началом директора института И. Я. Пильского. Упаковкой наиболее ценного имущества для учебного процесса руководил начальник учебной части А. П. Федоров. Тары и, особенно, гвоздей катастрофически не хватало. Работы шли днем и ночью. Уточнялись списки эвакуируемых. Предвидя эвакуацию, было изготовлено 100 больших деревянных ящиков. До эвакуации их использовали для хранения песка (в предвидении пожаров в зданиях МХТИ). Из всех лабораторий были изъяты драгметаллы и переданы в Госфонд СССР. Особым мероприятием было изъятие ценных приборов и отправка их в спецтаре в Коканд под специальным наблюдением. Были просмотрены и подготовлены к отправке дела института.

Молодым менделеевцам, знакомым с этим периодом лишь по кино и литературе, напомним, что эвакуация института (15-16 октября 1941 г.) совпала с одним из трагических периодов истории Москвы – угрозой вступления в город фашистской армии, паникой, введением чрезвычайного положения. Менделеевский институт волна паники, практически, не коснулась, хотя эвакуация проходила в предельно сложных условиях.

16 октября сотрудникам института выплатили зарплату и выдали документы. В тот же день была эвакуирована первая группа (по военной терминологии их можно назвать квартирьерами). Профессорско-преподавательскому составу был предоставлен один вагон в поезде совместно с ВКВШ (24 преподавателя с семьями). Студенты эвакуировались во II оче-

редь. V курс был распределен Главками на оборонные предприятия. Руководящая группа МХТИ выезжала в последнюю очередь: И. Я. Пильский, Ф. И. Волынец, А. П. Федоров, Ю. М. Бутт, Н. С. Торочешников, Г. Н. Дудеров, М. Д. Муратов, С. Г. Громилов, В. В. Коршак, В. П. Малыгин, А. Г. Фрагина, И. Т. Фурсенко, А. В. Востриков, В. Е. Евграфов, В. Н. Грифцов - да и то не в полном составе. В. Е. Евграфов и В. Н. Грифцов ушли в Народное ополчение. Володя Грифцов (секретарь комитета ВЛКСМ института, сменивший И. Я. Гузмана), не взятый в армию по плохому зрению и слабому здоровью, погиб в боях под Москвой вместе с тысячами ополченцев. Часть сотрудников от эвакуации отказалась: сотрудники библиотеки и заведующая Скавронская, профессора П. М. Лукьянов, Д. Н. Полубояринов, В. А. Зиновьев, В. Н. Юнг и другие. Не могли эвакуироваться по болезни профессора В. С. Киселев, Б. С. Швецов, Е. М. Прейс. Ассистент, будущий профессор 138-го факультета тех лет Е. Ю. Орлова была оставлена для возможной работы в Московском подполье. Об истории организации Московского подполья в 1941 г. еще не сказано многое. Но оно организовывалось – это значит, что невзирая на критическую ситуацию руководство страны, народ наш верил в справедливость борьбы – «Наше дело правое. Враг будет разбит...»

17 октября продолжалась погрузка имущества института в выделенные 9 вагонов на Савеловском вокзале. Для обеспечения погрузки институт располагал одной лошадью с телегой и легковой машиной. Лошадь передали Красной Армии. Поэтому грузили эвакуируемое оборудование, материалы, документы, используя привлекаемые грузовые автомобили, вечерами, ночью, зачастую под бомбежкой. К завершению эвакуации было упаковано и отправлено в Коканд все наиболее ценное имущество института. 9-10 ноября дирекции МХТИ было предложено принять имущество химфака Высшей технической школы им. И. В. Сталина (бывшая Промакадемия), 41 ящик химического оборудования. Оно было тоже погружено в 9-й вагон. Часть тяжелого оборудования, архив и библиотеку пришлось оставить

на Миусах, перенести в подвальные помещения и опечатать. По акту директор МХТИ доцент И. Я. Пильский передал институт коменданту В. Н. Кузьмичеву. Был утвержден штат 43 человека для поддержания института в порядке.

17 ноября из Москвы выехала руководящая группа во главе с И. Я. Пильским, 10 преподавателей и организационная партия студентов (эвакуацию обеспечивали 120 студентов и сотрудников). Впервые в геопространстве история Менделеевского института раздваивается (до апреля 1943 г.) и примерно полтора года Менделеевский институт существовал в двух местах: Коканд (Узбекская ССР) и Москва (Миусы).

Таков краткий очерк о делах в нашем московском институте на Миусах летом и осенью 1941 года.

УШЛИ ПЕРВЫМИ...

Книга приказов Московского ордена Ленина
химико-технологического института имени
Д.И. Менделеева №4 за 1941 год

1941 24 июня, вторник

Приказ №402

§3

В связи с призывом в РККА тов. Смирнова Н.М. врио зав. каф. физкультуры возложить на Огарева Ф.К.

Приказы 1941 года сохранили невзирая на трудности, невзгоды, военное лихолетье, политическую конъюнктуру последующих времен, люди ответственные – менделеевцы по делам и духу. Жаль лишь, что за 60 с лишним лет редко заглядывают в них исследователи и любители краеведения. Комментировать первый военный приказ по институту сложно. Имя зав. кафедрой физкультуры будет упоминаться в приказах не один раз с использованием канцелярско - военкоматовского клише «Оставлен до особого распоряжения». Так что не суждено нам объявить приказом № 402 от 24 июня 1941 года первого менделеевца, мобилизованного (или добровольца) на вторую мировую, а через неделю-другую – на Великую Отечественную.

1941 25 июня, среда

Приказ №405

Сидорова и Антропова Г.В. Освободить от работы по НИРу с 23.VI в связи с призывом в Красную Армию по мобилизации.
Уведомление военкомата от 10.VI.

Вновь загадка: «уведомление военкомата от 10. VI», т.е. тов. Сидоров (в данном приказе без инициалов) и Антропов Г.В. (оба без указания должности и кафедры) были мобилизованы до 04 часов 22 июня 1941 года.

Второе – в практике приказов по кадрам 1941 года дублирование – приказы по институту (в целом) и приказы по НИР (в частности), и поэтому одни и те же имена мы можем встретить, по крайней мере дважды, в разных приказах. Сидорова (без инициалов) в приказе №405 встретим часом позже в приказе №406. Вероятно, этот вот Сидоров и есть один из первых мобилизованных (до добровольничества дело еще не дошло). Поэтому внимательно взглянемся в параграфы следующего, по номеру, приказа по МХТИ им. Д.И. Менделеева, подписанного директором Иосифом Пильским.

1941 25 июня, среда

Приказ №406

§1

Нижеследующих сотрудников института считать призванными в ряды РККА

Титова П. М. с 23.VI шофер
 Колесникова В.И. с 24.VI шофер
 Лохматова Н.И. с 25. VI пожарник
 Юркова Н.И с 23.VI ст. лаб. метод. кабинета
 Сидорова Г. В. с 23.VI лаб. каф. физики
 Рыжкова В.И. с 24.VI зав. гаражом
 Крючкова Я.И. с 24.VI дворник
 Жигунова Б.Г. с 24.VI пожарник
 Оболенского С. А. с 23 . VI прораб
 Алешина И.Е. с 25.VI грузчик

§2

Нижеследующих сотрудников института считать призванными в ряды РККА:

1. Теснер П.А. с 23.VI асс. каф. техн. пирот. процессов

2. Дегтярев А.А. с 23.VI ст. преп. каф. марксизма-ленинизма
3. Смирнова Н.М. с 23. VI каф. физкультуры
4. Варга А.Е. с 23.VI асс. ф-та 138

§5

Электромонтеров Егорова и Сергеева освободить от работы в виду призыва в Красную Армию по мобилизации.

Приказ №406 напоминает нам об Андрее Варге – питомце спецфака (выпуск 1937 г.). По воспоминаниям Е.Ю. Орловой, на Южном фронте он попал в плен и был расстрелян немцами как сын одного из руководителей Коминтерна. (Вероятно, это единственный из менделеевцев, попавших в плен в годы ВОВ, кто представлен на памятной стеле в Менделеевке). Вновь в тексте приказа фамилия Смирнова Н.М. с кафедры физкультуры, но судьба оставляет его в Москве.

1941 28 июня, суббота

Приказ №412

§6

Ввиду призыва в РККА освободить от работы конструктора Зубенко с 24.VI, консультанта Горового С.Л. с 23.VI.

Таково содержание июньских приказов по кадрам в МХТИ им. Менделеева в связи с мобилизацией в ряды армии, ВВС и флота.

Ситуация в институте детально описана в воспоминаниях Сталинского стипендиата 1940 года И.Я. Гузмана, впоследствии профессора ХТС факультета: «На фронт отправилось менделеевцев сравнительно немного и только добровольцы. (См. приказ №439 и №440). По мобилизации призвали некоторых позднее, но таких было мало, так как большинство менделеевцев было «забронировано».

К этому следует добавить, что большой отряд менделеевцев, включая первокурсников, был призван в славные ряды РККА в сентябре 1939 года: в Европе уже организовали очередную мировую войну...

Приказ №431

§4

Нижеследующих лаборантов студентов освободить от работы по НИРу в связи с мобилизацией на спецработы с 1. VI

1. Минькова Д.Б.
2. Шрейдер В.В.
3. Панфилова М.И.
4. Орлова И.Н.

Комментировать параграф этого приказа №431 трудно – неясен, неизвестен характер «спецработ», не указаны группа и курс студентов. Среди выпускников 1941 года (согласно содержанию личных дел, хранящихся в архиве университета) есть лишь Шнейдерова Вера Владимировна.

§8

Освободить от работ по НИРу научных сотрудников Кутепова Д.Ф, с 26.VI.41 и Елина (без инициалов) с 29.VI.41 в связи с призывом в Красную Армию.

*Здесь в этом приказе по НИР очень серьезная информация. Полагаю, что речь идет о **добровольной** (выделено мною - А.Ж.) мобилизации. Это во-первых, а во-вторых, Д.Ф. Кутепов – секретарь партбюро вузовской ячейки ВКП(б) – человек известный в Менделеевке и до, и после войны. По страницам менделеевских изданий бродит легенда о том, что в октябре «три эшелонами институт эвакуируется в Коканд Узбекской ССР под руководством директора проф.(?) И.Я. Пильского. Комиссар эвакуации – секретарь парткома(?) МХТИ проф.(?) Д.Ф. Кутепов, отправив эшелон, уходит в Красную Армию на-*

Кричи, память!

чальником политотдела(?) авиаполка штурмовиков». Цитата приведена из юбилейного сборника «Шаги века 1898-1998» М., 1998. К сожалению, источник информации (устная, газета, книга) не указан, к тому же идет целый ряд неувязок. Вероятно, Д.Ф. Кутепов – один из первых менделеевских добровольцев, так же как и О.М. Елин, чье имя в скорбном мартирологе у памятника погибших во дворе Университета.

1941 3 июля, среда

Приказ №432

Старшего лаборанта кафедры технологии лаков и красок Орлова А. И. на основании постановления Военного Совета МВО – полагать призванным в ополчение с 4/ VI I с. г.

Здесь почти полная ясность – старший лаборант кафедры технологии лаков и красок А. И. Орлов – один из первых ополченцев Менделеевки, вероятно, в составе ополчения Советского района.

1941 4 июля, пятница

Приказ №434

§4

Т. Егорова (механический цех) считать освобожденным от работ в институте в связи с призывом в ряды РККА.

§5

Считать освобожденным от работы в институте в связи с призывом в ряды РККА:

1. Андреева В.М. столяра с 22. VI. 1941
2. Сергеева П.Ф. эл. монтера с 23. VI. 1941
3. Шкаликова К. Я. эл. монтера с 22. VI. 1941
4. Ламыкина Ф.Ф. паркетчика с 22. VI /1941

Они были первыми по мобилизации, рабочие АХО и НЭПРа.

Одно уточнение, точнее дополнение к приказу №434 из приказа №477 от 15. VII. 1947г. – «считать Андреева В.М. - столяра на учебном сборе с 22. VI .41 на 30 дней» согласно информации Ленинградского РВК.

§8

Считать освобожденным от работы в связи с призывом в ряды РККА управляющего НЭПРа т. Прокина С.С.

1941 5 июля, суббота

Приказ №438

Считать освобожденным от работы Мерзликина А.И. мастера шлифовальщика с 4.VII в виду призыва в РККА по мобилизации.

Приказ №439

Снять с контингента учащихся с 30.VI. 1941 как перешедших в военные училища (список студентов дается в именительном падеже)

1. Аптер М.И. IIк. 7гр. техн. ф-т.
2. Яковлев А.Д. IIIк. 15гр. сил. фак.
3. Тужилкин И.М. IIк. 11гр. техн. ф-т.
4. Кудряшов А.В. IIк. 10гр. 138 фак.
5. Олесов Н.А. VK. 8гр. сил. фак.
6. Богословский В.А IIк. 10гр. 138 фак.
7. Шестаков А.Г. IVк. 1гр. техн. ф-т.
8. Эксарь В.Н. ? 7гр. 138 фак.
9. Титов В.? IIк. 1гр. техн. ф-т.
10. Астафьев А. Я. IIIк. 11гр. 138 фак.
11. Корсичеко Н.Ф. IIIк. 13гр. сил. фак.
12. Кузнецов В.Н. --- 138 фак.
13. Бадан П. М. IVк. 5гр. 138 фак.
14. Рыжкин В.У. IIIк. 2гр. техн. ф-т.
15. Муляр В.И. IIк. - 138 фак.

16. Родионов Е.П. IIк. 13гр. техн. ф-т.
17. Туманов А.Л.(?) Vк. -138 фак.
18. Люстгартен Ю.Г. IIк. 11гр. техн. ф-т.
19. Золотарев М.? IIIк. 11гр. 138 фак.

К пеклу войны приближаются студенты МХТИ им. Д.И. Менделеева – представители интеллектуальной элиты нации. Представлены в списке все три факультета, работавшие в 1941 году: и спецфак. №138, и технологический, и силикатный.

В инициалах студентов из приказа №439, вероятно опечатка – это и есть тот Туманов А.Д., чье имя высечено на стелле памятника-- студент-пятикурсник факультета №138.

Корсиченко Николай Федорович – из набора силикатчиков 1939 года – окончит артиллерийское училище, будет командовать дивизионом гвардейских минометов. Получит звание старшего лейтенанта. Сгинет (пропадет без вести) в ходе летнего отступления Харьков-Сталинград. О его судьбе писал Ю.Г. Королев в заметке в «Менделеевце» (от 8 мая 1985г.). Имени Корсиченко не было ни на одной доске погибших менделеевцев. Все в духе тех времен, когда информация «пропал без вести» добра не несла. Судить об этом в 1940-50-х достаточно сложно, 2 миллиона в немецком плену – данные лишь 1941 года. Сегодня этот пробел нашей памяти устранен – имя Николая Корсиченко выбито на стене памятника погибшим менделеевцам.

Приказ №440

Снять с контингента МХТИ с 30.VI.1941г., как ушедших добровольцами в ряды РККА:

1. Триус М.Б. 4гр. IV. техн. фак.
2. Шлиимович М. М. 4гр. II. техн. фак.
3. Эпштейн Р.М. 10гр. III. 138 фак.
4. Попов В. А. 16гр. II. сил. фак.
5. Борисов Б.И. 16гр. IV. сил. фак.

6. Елькин Е.И. 5гр. IV. 138 фак.
7. Лысенко Ю.В. 4гр. IV. техн. фак.
8. Арустанов Г.И. 3гр. III. техн. фак.
9. Харахаронов С.? - II. 138 фак.
10. Картожинский Л. А. 1гр. II. техн. фак.
11. Крастов Е.Е. 3гр. IV. техн. фак.
12. Лебедев Г.М. 2гр. III. техн. фак.

Б.И. Борисов, Р.М. Эпштейн, В.А. Попов, Е.И. Елькин – ветераны 10 ОЛСБ боев с белофинами зимой 1939/1940 гг.

1941 7 июля, понедельник

Приказ №445

§4

Отчислить из аспирантуры с 23. VI. в связи с призывом в ряды РККА:

1. Кутепова Д.Ф. ;
  2. Конкина (без инициалов);
  3. Саларидзе (без инициалов);
- Основание – сведения учебной части.

Имя Кутепова уже звучало в приказе №431 от 3 июля. Конкин – вероятно выпускник МХТИ 1939 года Конкин Александр Арсеньевич (его студенческое дело хранится в архиве РХТУ), имя Саларидзе Ш.Л. – в списке погибших менделеевцев.

Приказ №446

В связи с призывом в ряды Красной Армии освободить от работы фотографа Кочетова Г. И.

Приказ №456

Освободить от работы в связи с призывом в ряды РККА 23. VI. 1941 Рыжкова зав. гаражом.

1941 10 июля, четверг

Приказ № 461

т. Попова – начальника материально-бытового сектора освободить от работы с 25. VI. 1941г. в связи с призывом в ряды РККА.

Приказ №462

Приказ реконструирован (перепечатан на папиросной бумаге, приклеен и почему-то изъят (вырван) из книги приказов). Как и все остальные приказы в этой книге этот, изъятый, приказ по кадрам.

Приказ №463

Аспиранта Тыкачинского И. Д. отчислить в виду призыва в ряды Красной Армии.

Тыкачинский Исая Давидович – выпускник МХТИ 1936 года – стекольщик, профессор, в книге «Годы и люди (об истории ХТС, времен Коканда упоминается о его научной командировке в Алта-Ату. Вероятно, призыв Тыкачинского не состоялся).

1941 15 июля, вторник

Приказ №476

§2

Доцента Пантелеева А. С. освободить от работы в связи с призывом в ряды РККА.

Приказ №478

§5

Научного сотрудника Парадня П.И. считать вернувшимся из народного ополчения и приступившим к работе с 9.VII.1941г.

Первый приказ по демобилизации, а на дворе лишь июль 1941 года.

§10

Научного сотрудника Кочергина (без инициалов) считать призванным в армию по мобилизации с 1.VII.1941.

Отчислить студента Аверкова Б.С. (III курс, 8 гр., 138 фак.) с 1.VIII.1941г. в связи с призывом в Красную Армию.

§3

Отчислить студентов:

- Черногарова Ю.И. техн. фак.;
- Сушкова В. В. - техн. фак.;
- Иванова И.А. - техн. фак.;
- Татевосьяна Г.О. IV курс - техн. фак.;

1941 5 августа, вторник

Приказ №529

§1

Считать в рядах ополчения с июля М. с/г

Шатловского Е.

Абрамова И.И.

Кудрявцева А.Д.

Певзнер К.В.

§2

Считать:

Каплан И.С. зав. отд. снабжения в отдельном отряде МПВО

Воронкова С.И. - препаратора каф. физики в рядах ополчения с 18.VII.1941г.

Якушкина С.Г. - возчика в рядах ополчения с 18.VII.1941г.

Герасимова И.А. - рабочего в рядах ополчения с 8(?) .VII.1941г.

§3

Тов. Гончарова Г.С. считать в рядах ополчения с 18.VII.1941г.

1941 6 августа, среда

Приказ №532

§2

Князева И.Е. считать призванным в ряды Красной Армии с 7 августа с/г.

Князев И.Е. восстановлен на работе с 8.VIII. 1941г. (приказ №534, §4)

§4

Освободить от работы электромонтера Шевалдина в связи с призывом В Красную Армию с 6.VIII.1941г.

§13

Ассистента Пенн Л.Я. считать призванным в ряды Красной Армии с 8.VIII.1941г.

Приказ №533

§10

Освободить от работы научного сотрудника Филипчука. Рябова С.В. с 23.VI., как призванных в ряды РККА по мобилизации.

1941 8 августа, пятница

Приказ №535

Доц. Зельвенского (Я.Д.) считать призванным в Красную Армию с 9.VIII.1941г.

Приказ №536

§2

Отчислить студента Беляева Г.Ф. (V курс, 138 фак.) в связи с призывом в РККА с 8.VIII.1941г.

1941 11 августа, понедельник

Приказ №540

§1

Отчислить аспиранта Парадно П.И. в связи с призывом с 11.VIII.1941г.

1941 13 августа, среда

Приказ №541

§1

Тов. Шустова Д.А. считать призванным на учебный сбор 90 дней.

§2

Тов. Устинова считать призванным в РККА с 15.VII.1941г.

§6

Пожарника Прошина И.Я. считать призванным в РККА с 12.VIII.1941г.

1941 14 августа, четверг

Отчислить из контингента студентов как призванных в РККА с 13.VIII.1941г.

§6

Силикатный факультет
Бринд С.А. V курс
Борисова Б.И. V курс
Гузман И. Я. IV курс
Колобова Е.М. V курс
Красильникова В.Д. V курс
Немец Л.М. III курс
Новгородцева Л . М. III курс
Розенблюма И.С. IV курс
Сазанова М.Ф. IV курс
Усвицкого М.Б. V курс

§8

Факультет 138
Верховского А.А.
Полякова В.С.
Стрельцова А.Н.

Кричи, память!

То ли бог миловал, либо информация не точна, но в наших скорбных списках погибших на фронте нет ни одного имени из студентов-менделеевцев, призванных с 13 августа 1941 года. Повезло. Но нет, Сазанов М.Ф. – это силикатчик, погибший на фронте. Поляков В.С. – судя по всему, ветеран финской войны.

Приказ №542

§4

Освободить от работы ассистента Бояркина П.И. с 14.VIII. в связи с призывом в Красную Армию.

Комсомолец 20-х, выпускник МХТИ 1937г. Петр Игнатьевич Бояркин после демобилизации в 1945 году вернется в институт, будет работать со студентами на кафедре ОХТ и в деканате ТНВ факультета. Награжден медалями СССР.

Приказ №544

Освободить от работы доцента кафедры марксизма-ленинизма Кошелева А. Я. с 15.VIII. в связи с призывом в Красную Армию.

Приказ №546 в архиве Университета отсутствует.

1941 18 августа, понедельник

Приказ №553

Штукатура Потапова И.О. считать призванным в Красную Армию с 18.VIII. 1941г.

1941 19 августа, вторник

Приказ №556

Научного сотрудника Кешишян Т.Н. освободить от работы в связи с призывом в Красную Армию.

Здесь тоже архивная загадка. Будущий профессор-силикатчик Тигран Никитович Кешишян будет работать в эвакуации в Коканде.

1941 20 августа, среда

№557

§1

Старшего преподавателя органической химии Бланко де ля Каррера полагать призванным в ряды РККА.

Имя славное – испанец-республиканец. Жаль, что о нем забыли составители сборника «Менделеевцы ветераны-участники Великой Отечественной войны 1941-1945». Эту забывчивость устранили публикацией большой статьи о Ф. Бланко в «Менделеевце» №5/2010.

№558

Пожарника Н.С. Власова освободить от работы в связи с призывом в ряды РККА с 22.VIII.1941г.

1941 21 августа, четверг

№563

Отчислить студентку Введенскую Н.Д. как призванную в РККА с 15.VIII.1941г.

1941 22 августа, пятница

№564

§4

Лаборанта Сенченкова Г.В. освободить от работы с 22.VIII.1941г. в связи с призывом в ряды РККА.

№565

§1

Аспиранта кафедры электрохимии ЖУК Н.П. полагать в рядах ополчения (*дата не указана*).

Николай Платонович Жук – автор лучшего советского курса «Теория коррозии металлов» в Московском институте стали и сплавов, выпускник Менделеевки 1939 года после войны плодотворно работал в высшей школе.

§3

Отчислить с 22.VIII. аспиранта Капустина Г.С., как призванного в ряды РККА.

1941 23 августа, суббота

№567

Электромонтера Ковалева В.П. освободить от работы с 17 августа 1941г. в связи с призывом в ряды РККА.

№569

§1

Механика кафедры физики Сидорова Г.В. освободить от работы в связи с призывом в РККА.

№575

§3

Кишиневского М. Е. освободить от работы в связи с призывом в ряды РККА.

1941 28 августа, четверг

№581

Пожарника Русакова Т.Н. освободить от работы с 20.VIII.1941г. в связи с призывом в ряды РККА.

1941 1 сентября, понедельник

№586

§1

Штукатура Ерошкина Вяч. Ив. освободить от работы с 1.IX.1941г. в связи с призывом в ряды Красной Армии.

§7

Столяра Андреева (без инициалов) освободить от работы с 23.VIII.1941г. в связи с призывом в ряды Красной Армии.

§11

Начальника пожарной охраны Михальчука А.С. освободить от работы с 31. VIII. в связи с призывом в ряды Красной Армии.

1941 5 сентября, пятница

№600

Ассистента кафедры стекла Кивеловича М.Л. освободить от работы с 8.IX.1941г. в связи с призывом в ряды Красной Армии.

Та же история что и с Т.Н. Кешишяном – ассистент М.Л. Кивелович (так в издании «Годы и люди» М., 2003) активно работал в Коканде.

1941 10 сентября, среда

№607

Студента Козлова (III курс, техн. факультета) полагать возвратившимся из рядов Красной Армии и приступившему к учебе с 10.IX.1941г. на основании отношения 7-го запасного летного полка.

Вот и такие приказы стали появляться в Менделеевке. Что было причиной демобилизации - болезнь, ранение, бронь или

Кричи, память!

что-то иное, из текста приказа не видно. В списке выпускников 1945 года значится Козлов Василий Михайлович. Тот ли это Козлов, пока не ясно.

1941 1 сентября, понедельник

№613

Отчислить студента Жидикова (инициалов нет, факультет, курс, группа не указаны) с 1.VII. 1941г. в виду ухода его в Красную Армию.

Приказ от 12 сентября, а студент Жидиков ушел в армию еще в июле. Вероятно, институт не располагал информацией – каникулы, практика. Эти обстоятельства затрудняют работу по поиску имен менделеевцев, особенно студентов, ушедших на фронт (в армию) летом 1941 года.

1941 13 сентября, суббота

№616

Гусарова С.В. - заведующего лабораторией освободить от работы с 30.VIII. в связи с уходом в Красную Армию.

1941 15 сентября, понедельник

№618

Отчислить аспиранта Оксюзяна А.А. (Оксюзана А.А. согласно приказу №638 от 22. IX. 1941г.) в связи с уходом в Красную Армию.

Оксюзян Андроник Аветосович выпускник 1938 года.

№620

Освободить от работы Гудкова С.Ф. с 12.IX. 1941г, в связи с призывом в Красную Армию.

№621

Отчислить студентов технологического факультета
Серенкова В.И.
Флориана П.В.
в связи с уходом в Красную Армию.

1941 16 сентября, вторник

№627

Отчислить студентов V курса технологического факультета:
Астафьева В.В.
Куцева В.С.
Лебедева Т.А.
Романова В.В.
Зайцева Н.А.
Лисицина Б.М. (?)
Еленек В.И.
Скворцова А.И.
Салихова И.С.
IV курса технологического факультета
Рыжкина В.У. эл./х.
Дубель В.И. л. к.
Кишеневского М.Х. ТНВ
Кельцева Н.В. пир. пр.
Перепелкина В.П. пл. масс.
Мачалова Н.В. пл.масс.
в связи с призывом в Красную Армию.

В этом списке есть знакомые имена, после окончания института работали в Менделеевке Еленек В.И. (каф. аналитической химии) Николай Владимирович Кельцев – один из основателей новой, экологической специальности «технология рекуперации вторичных материалов промышленности».

В списках выпускников послевоенных лет встречаются

Кричи, память!

имена из приказа №627 - Дубель Валентин Иванович, Салихов Исмаил Салихович, Перепелкин Виталий Петрович, Лисицин Всеволод Михайлович, Куцев Владимир Сергеевич... Стоит думать, что это они – парни, чьи имена в этом приказе.

1941 18 сентября, четверг

№630

Восстановить в числе студентов II курса Аверкова Б.Г., как прибывшего из рядов РККА с 18. IX. 1941г.

1941 19 сентября, пятница

№634

Отчислить с 19. IX.1941г. студента I курса 138 факультета Шиловского Е. В. связи с призывом в Красную Армию.

1941 20 сентября, суббота

№636

Восстановить в числе студентов Данильченко А.А. (V курс, 138 факультет) как вернувшегося из РККА.

№637

§1

Восстановить в числе студентов Русакова А.А. (IV курс, 138 факультет) как вернувшегося из РККА.

§10

Отчислить студентку силикатного факультета Надеждину с 20.IX.1941г. в связи с призывом в ряды РККА.

1941 24 сентября, среда

№643

Освободить от работы доцента Белова В.Н. (органическая химия) в связи с призывом в ряды РККА с 24. IX. 1941г.

Приказ №648 в архиве Университета отсутствует, приказ №649 поврежден.

1941 27 сентября, суббота

№655

Освободить от работы с 26. IX. 1941г. ассистента Стрепихеева Ю.А. в связи с призывом в ряды РККА.

Приказом №666 от 2. X. 1941г. Юрий Александрович был восстановлен в должности ассистента с 1. X. 1941г.

1941 17 октября, пятница

№695

Лаборанта Добронадеждина полагать призванным в ряды Красной Армии с 17. X. 1941г.

Символика – Д о б р о н а д е ж д и н уходит на фронт в самые тяжелые дни для Москвы. В городе паника – шоссе Энтузиастов забито беженцами. С Казанского едут на восток даже в вагонах метрополитена...

***Исторический вестник №16/2005, 18/2006
(с комментариями А.П. Жукова)***

Говори, память!

Борис Житов

Столько лет кудрявые березы
Свою вахту у могил несут,
Годы - время сушит вдовьи слезы;
Тех, кто не вернулся, уж не ждут.
    Старенькие матери погибших
    Смерть встречают тихо, не скорбя.
    Снова снег укроет в саван пышный
    Защитивших, Родина, тебя.
Защитивших, в ту годину злую,
Той далекой, памятной зимой...
Не найти теперь передовую,
Что была когда-то под Москвой.
    Вспоминая все, как это было,
    Ни о чем забыть я не хочу.
    У ограды простенькой могилы
    Имена, что помню, я шепчу.
Вспоминаю я, что эти годы
Мы живем по-разному без вас.
На полях сражений зреют всходы,
Где когда-то ваша кровь лилась.
    Мы за вас Россию-мать лелеем.
    У станков за вас стоим сейчас;
    Женщин любим, стариков жалеем
    И медали носим мы за вас.
Мы за вас свои успехи множим,
В каждом есть и ваш геройский вклад
Мы немало песен грустных сложим
О бессмертном подвиге солдат
    И не забывая, что когда-то
    Здесь гремел всю смертельный бой.
    Мир храним, который вы, солдаты,
    Жизнью оплатили под Москвой.

Под Москвой метут снега, метели,
Помним весь мы сорок первый год:
Как враги столицу взять хотели.
Как поднялся на борьбу народ.
    Как в пургу дивизии сражались;
    Как в атаки шли сибиряки.
    Здесь на подступах к Москве рождались
    Первые гвардейские полки.
Те полки, что той зимой студеной
И Москву, и Родину спасли:
Выстояв, гвардейские знамена
Через пол-Европы пронесли.
    Мы сегодня их склоняем низко
    В память тех, кто кровь свою пролил,
    Возле безымянных обелисков
    У войной разбросанных могил.

«Менделеевец», 2001, №16

В 1941 г. Борис Житов еще учился в школе, но, вступив в боевые действия в мае 1943 г. после пулеметного училища, успел в досталь хлебнуть военного лиха: окопы, госпиталя, марш-броски, артобстрелы.

Всю долгую послевоенную жизнь он хранил память о фронтовых друзьях и однополчанах, а летом 2001 года Бориса Николаевича Житова, доцента кафедры углерода РХТУ, не стало...

Но остались для нас его стихи и благодарная память.

Сотрудники Менделеевки, награжденные медалью «За оборону Москвы»

В этом разделе книги указаны имена менделеевцев, награжденных медалью «За оборону Москвы» (список, к сожалению, не полный и, вне всяких сомнений, должен быть значительно расширен). Скупая информация списка дополнена публикациями из институтской многотиражной газеты «Менделеевец». Вспомним о тех, кто не вернулся с полей сражений в ближнем и дальнем Подмосковье, кто выжил в страшной схватке с фашистской Европой, тех, кто ковал победу в Москве, да и о тех, кто продолжал учебу в почти замерзшей Менделеевке, также трудился на Победу.

Застыли два студента без пилоток,
Имен на стенке список золотой.
Был ратный труд их, как и жизнь, короток;
Не отдали они врагу высоток,
В том сорок первом, в битве под Москвой.

Мы никогда о вас не забываем:
Живя, трудясь, волнуясь день-деньской,
Мы вас правофланговыми считаем,
Мы в жизни вас, погибших, заменяем,
Бессмертье ваше – в памяти людской.

Прекрасные строчки поэта – ветерана войны с фашизмом, менделеевца Бориса Житова – требуют: «Говори, память!», говори во весь голос о наших славных предках, сломавшим в тяжелых 1940-х хребет европейскому фашизму. Европа, весь мир, помни – мы не забудем!

Кричи, память!!!

1. АНДРИАНОВ Б.В
2. АРГЕНТОВ А.А..
3. БАЛКЕВИЧ В.Л.
4. БОЯРКИН П.И.
- 5.БУДРЕЙКО Н.А.
6. БУЗОВКИН А.Б.
7. ВОРОБЬЕВ С.М.
8. ВЫБОРНОВ А.И
9. ГУК. П.П.
- 10.ГУСЕВ В.М.
- 11 ГУРЕЦКИЙ И.Я.
- 12.ДРУЦА Л.Н
13. ДЫМОВ В.Н.
14. ИВАНУШКИН А.П.
15. КАВЕРИН Н.А.
16. КАТУНСКИЙ М.М.
- 17.КИЛАДЗЕ Ю.Д.
18. КЛЕЕВ Б.В.
19. КУЛИКОВ В.М.
20. КУТЕПОВ Д.Ф.
- 21.ЛЕКАЕ В.М.
22. ЛЕРНЕР М.З.
23. МАКАРОВ Г.Н.
24. МЕЕР Г.Р.
25. МЕНЬШУТИН В.П.
26. МЕШКОВ В.Я.
27. МИХАЙЛИН Н.Г.
28. ПУШКОВ А.А
29. ПРУДИН И.С.
30. РАССАДИНА Е.И.
31. СЕЛИН А.С
32. СИДОРСКИЙ В.П.
33. СИЛЬВЕСТРОВИЧ С.И.
34. СУХИХ Г.А.
35. ФЕДЯКИН А.Г.
36. ЧАЛЫХ Е.Ф.
37. ЧЕРТКОВ М.И.
38. ЧЕЧЕТКИН А.В.
39. ЦВЕТКОВ М.М.
40. ШВАРЦ Л.В.
41. ЮШИН А.И.
42. ГОРБАЧЕВ С.В.
43. ГОРДЕЕВА Т.Г.
44. ДЫБИНА П.В.
45. ЖАВОРОНКОВ Н.М.
46. КАМЕНСКИЙ И.В.
47. КОЛЕСНИКОВ Е.С.
48. КОРШАК В.В.
49. КОСТЕРЕВ Ф.М.
50. КРАШЕНИННИКОВ С.А.
51. СОРОКИН М.Ф.
52. СОЛОВЬЕВА Л.К.
53. ТОРОЧЕШНИКОВ Н.С.
54. ШУТОВА А.И.
55. АКОПДЖАЛЬЯН А.С.
56. КАРПОЗЕЕВА В.С.
57. КАШИНСКАЯ Е.М.
58. ПЛАТОНОВА Т.Д.
59. РЫБАКОВА Е.И.
60. СПИЖАРНЫЙ Н.Н.
61. ПЕТРУЛЕВИЧ А.П.
62. КУДРЯВЦЕВ Б.Б.
63. ГРИБОВА И.
64. КАЗАНЦЕВ А.С.
65. МАРКОВА А.М.

Время не властно над памятью

В. Талисманов, студент

Подошла война в Подмосковье.
Ночь в накале зарев долга.
Будто русской жертвенной кровью
До земли намокли снега.

А. Сурков

Уже 56 лет отделяют нас от Победы в Великой Отечественной войне, но время не властно над народной памятью: хотя война все дальше и дальше уходит в прошлое, потомки всегда будут помнить то драматическое и героическое время, всегда будут чтить тех, кто отдал свою жизнь за Родину.

В гигантской схватке с фашизмом исключительную роль сыграла битва под Москвой. Здесь, 60 лет назад, 5 декабря 1941г. На полях Подмосковья впервые в истории Отечественной войны фашистам был нанесен сокрушительный удар, развеян миф об их непобедимости, сорван план молниеносной войны, – здесь было заложено начало нашей Победы.

В планах германского руководства захват Москвы и Центрального района был одной из главных целей в войне против СССР. По плану «Тайфун» ставилась задача прорвать оборону советских фронтов на трех направлениях – в центре, на севере и на юге, окружить и уничтожить их главные силы, прорваться к Москве и уничтожить ее к середине октября 1941 года, тем самым быстро завершив войну.

В нападении на Москву участвовали силы группы армий «Центр», имеющие в своем составе до 1 800 000 человек, 14 000 орудий и минометов, 1700 танков, около 1390 самолетов.

На защиту Москвы было направлено до 80% всех выдвигаемых из глубины страны войск. На дальних подступах к Москве оборонялись войска трех фронтов Западного, Резервного и Брянского. Фашистской группировке противостояли 96 не полностью уком-

плектованных дивизий. Оборонявшаяся группировка состояла из 1 250 000 человек, 7 600 орудий и минометов, 990 танков, 677 самолетов, в основном, устаревших конструкций. Фашисты обладали крупным численным превосходством над войсками трех фронтов: в живой силе – в 1,4 раза, в артиллерии в 1,8, по танкам в 1,7, по самолетам в 2 раза.

С первых дней июля 1941 г. было начато строительство оборонительных рубежей. Здесь ежедневно работали свыше 600 тыс. жителей Москвы и Подмосковья, три четверти из которых составляли женщины и подростки. Ими было выкопано 2 926 км противотанковых рвов, около 2 000 окопов, оборудована 27 641 огневая точка, 32 260 противотанковых ежей, тысячи фортификационных сооружений. Миллионы кубометров земли были подняты женщинами, стариками и детьми...

С начала ноября шли ожесточенные бои за Москву. Обладая значительным преимуществом, фашистские войска стремительно двигались к Москве, но стремительность эта не была уже такой молниеносной, как в первые месяцы войны. Наши войска упорно сопротивлялись, чем существенно ослабляли силы фашистов. В период с 16 ноября по 5 декабря немцы потеряли 155 тыс. убитыми, ранеными и обмороженными, но так и не смогли прорваться к Москве, хотя войска фашистов находились в непосредственной близости, всего в 40-30 км, а в районе ст. Луговая – Савеловской ж.д. в 25 км, но это был предел достигнутого ими успеха.

Благодаря одновременному наступлению наших войск па севере и юге страны, германское командование не могло снимать оттуда войска для укрепления московского направления, и к концу ноября 1941 г. в битве под Москвой назрел перелом: на покрытых глубоким снегом бескрайних просторах Подмосковья врага ожидала не победа, а катастрофа.

5 декабря 1941 г. войска Калининского фронта начали активные наступательные действия и вклинились в передний край обороны врага, на следующий день в контрнаступление перешли войска Западного и Юго-Западного фронтов. Подготовка наступления тщательно скрывалась, что застало фашистов врасплох.

Кричи, память!

Противник вынужден был перейти к обороне, и стратегической инициативой теперь уже надолго завладела Красная Армия. Первый этап контрнаступления советских войск был завершён к началу января 1942 года. Фашистская армия была отброшена на 100-250 км. Отступая, гитлеровцы превращали оставляемые ими территории в зоны пустыни. Из Берлина поступали приказы, предписывающие войскам вермахта при отступлении уничтожать населённые пункты и все, что нельзя забрать с собой.

Были полностью сожжены города Истра, Наро-Фоминск, Верея, Руза, Боровск, Михайлов, взорван Ново-Иерусалимский монастырь, сожжены Бородинский музей, усадьба Л. Н. Толстого в Ясной поляне. Сожжено более 1000 школ, около 700 клубов, театров, 117 библиотек, 400 больниц и 450 детских садов. Полностью уничтожены 640 сёл.

Более шести месяцев длилось грандиозное сражение. Весь мир, затаив дыхание, ожидал его исхода. И Москва победила.

60 лет прошло с той великой битвы. Это большой срок. Очень большой. Совсем мало уже осталось участников тех сражений (самому молодому 77 лет), давно заросли окопы и рвы, но никогда не забудет наш народ (я на это надеюсь) того подвига, который был совершен тогда, в декабре 1941 под Москвой...

P.S. Недавно ездил на дачу (по Дмитровскому шоссе) и в районе ст. Луговая увидел новый (!) памятник защитникам Москвы и рядом с ним в короткий срок построенное здание музея. Я был поражен. Но это было не все. Через 30 км, в районе Яхромы, стоял монумент «Солдат» защитникам Москвы, к сожалению, за долгие годы обветшавший. И он был в лесах! Его ремонтировали! Значит, вспомнили. Неужели у нас опять начинает просыпаться память, уважение к тому времени, гордость за свой народ, наконец. И если это действительно идет из глубины сердца, а не для соблюдения формальностей, то я думаю, все у нас вскоре получится. Вылезем мы из этой нищенской ямы и будем жить хорошо. По крайней мере, надежда такая уже у меня есть.

«Менделеевец», 2001, № 16

Нам тогда было по двадцать **И. Гузман, доцент**

25 лет отделяют нас от того черного дня, когда гитлеровцы вероломно напали на нашу Родину. Четверть века! Как стремительно летит время. Около восьми тысяч студентов насчитывает родная Менделеевка. Они не видели пожарищ сражений, не слышали лязга вражеских танков. Но зато старшее поколение помнит все. Помнит, как в воскресный солнечный день — 22 июня 1941 года добровольцы-менделеевцы уходили на фронт, уходили защищать честь и независимость нашего трудолюбивого народа.

Нас, третьекурсников, события памятного июня 1941 года застали на первой производственной практике. Было нам тогда лет по двадцать, и о войне мы имели весьма смутное, поверхностное представление. Только немногие из нас «нюхали порох» в лесах Финляндии, а остальные знали о войне понаслышке, по кинокартинам, по песне «Если завтра война, если завтра в поход...»

Это было время, когда секретари комитета ВЛКСМ института менялись необычайно быстро. Уже через пять дней после 22-го июня Менделеевка провожала на фронт свой первый ударный отряд. Ушел на фронт секретарь комитета комсомола Женя Шатовский. Не успев принять дела от последнего «мирного» секретаря комитета Романа Эпштейна, я меньше чем через месяц сдал их моему земляку – силикатчику Володе Грифцову, впоследствии героически погибшему в боях.

Откровенно говоря, настроение у нас было тогда петушиное: дескать, стоит нам собраться, да появиться на фронте – и Гитлеру капут. Однако жизнь быстро стала нас учить уму-разуму.

Памятно боевое крещение ранней осенью 1941 года: наша группа из 17 человек, пробыв в тылу противника около двух недель, основательно изуродовала важную магистраль немцев и без потерь вернулась на свою базу, благополучно перейдя линию фронта — это была наша первая удача.

Но много было и неудач. Иногда мы долгое время не могли

Кричи, память!

перейти линию фронта, теряли товарищей. Так однажды при переходе линии фронта наша группа приняла неравный бой, из которого вышло только несколько человек. В этом бою погиб Алеша Тимошин – паренек с фабрики «Дукат».

За три года всякое бывало: радости и печали, успехи и страшная боль от того, что теряли друзей. Веселые вечера самодеятельности на базе и жестокие голодовки в тылу врага, когда целую неделю ели только клюкву или грибы без соли. Лихие налеты на гарнизоны испанской «Голубой дивизии» и бесплодные хождения за «языком».

Всякое бывало, но не было среди солдат нытья, никогда не было недостатка в охотниках идти на очередную боевую операцию, не было случая, чтобы товарища бросили в беде. Часто ругали нашего Матвея Усвицкого за медлительность, неповоротливость. Был даже случай, когда он заснул на посту в тылу у немцев. Но никто иной, как Усвицкий добровольно вызвался в тылу немцев под огнем рвать мост. Сколько было обид со стороны оставшихся «дома» (брали только хороших лыжников), когда предприняли большой лыжный поход по Ильмень-озеру. За спиной «сидор» с продовольствием на 10 суток, 500 патронов, 3-4 килограмма взрывчатки и в придачу автомат, граната, питание для рации. В этом походе мы убедились, что бывают моменты, когда надо идти во чтобы то ни стало (отстать — значит попасть к врагу), а сил больше нет, есть только воля. Я с благодарностью вспоминаю нашего Матвеича, который, готовя вторую группу менделеевцев на смену первой, в Финляндии, учил «вкалывать» на лыжах, не жалея сил.

Да, всякое бывало... Война – это тяжкий, изнурительный труд, мучительное испытание для тела и нервов, оставляющее неизгладимый след на всю жизнь.

И нет, пожалуй, более важной задачи, чем оградить нынешнюю молодежь от этих страданий, помня, сколько жизней было загублено, сколько судеб искалечено.

«Менделеевец», 1966, №23

Памяти брата моего

В. Арзуманян

В грозные и тяжелые дни 1941 года студент IV курса комсомолец Грант Арустамов добровольно ушел в Красную Армию защищать нашу Отчизну от немецких оккупантов. Он погиб в жестоких боях в районе Смоленщины, отдав свою жизнь за свободу нашей славной Родины, за счастье народа.

Патриот своей Родины, истинный комсомолец, один из активистов технологического факультета, он не мог спокойно остаться в стенах института и продолжать свою учебу, когда народ оказался в беде.

Брат мой Грант Арустамов, о котором я с большой гордостью и в то же время со щемящей болью вспоминаю на страницах «Менделеевца» – газеты его любимого института, – отличался исключительной скромностью, большим умом и чуткостью к своим товарищам.

О его высоких способностях неоднократно говорилось еще в средней школе. Он очень любил математику, химию, физику. Кроме этого, он прекрасно рисовал. Будучи студентом Менделеевки, он оформлял факультетскую газету «Рупор» и различные фотовитрины в институте.

За три года учебы в институте имени Менделеева Грант постоянно был в числе активистов института. Он свято относился к обязанностям комсомольца и всегда с особой гордостью выполнял любое поручение комсомола.

Грант был отличный стрелок, всегда носил значок «Ворошиловский стрелок I степени».

5 июля 1941 года Грант уходит добровольцем в комсомольский батальон. Ему не пришлось долго воевать с фашистами. Он погиб смертью храбрых.

Провожая Гранта на фронт, я очень волновалась за его судьбу. В те дни мне пришлось проводить на фронт четырех братьев и мужа. Со свойственным ему спокойствием Грант успокаивал

Кричи, память!

меня. Его последними словами были: «Не волнуйся за меня, все будет хорошо».

На фронтах Великой Отечественной войны погибли два моих брата: двадцатидвухлетний Грант и двадцатилетний Лева.

Памятник менделеевцам, погибшим за освобождение нашей Родины, где будет вписано имя и моего дорогого брата, явится для меня дорогим и святым на всю жизнь. Склоняю голову перед этим памятником!

«Менделеевец», 1965, № 17

Воспитанник Менделеевки **Е. Махонина, И. Новожилова, студентки**

9 мая мы празднуем победу над фашистской Германией и всегда будем помнить о тех, кто погиб во имя этой победы. Многие воспитанники нашего института отдали свою жизнь в борьбе с немецкими оккупантами. Среди них был и Алексей Ганюшкин. Нам удалось разыскать его друзей и близких. От них мы узнали некоторые подробности жизни Алексея.

У Леши всегда было много друзей во время учебы в институте. Он был старостой группы, а также председателем Осоавиахима МХТИ. Здесь же, в Менделеевке, он стал коммунистом. В 1940 году Леша получил диплом с отличием. По окончании института его призвали в ряды Красной Армии.

Когда через несколько месяцев началась война, А. Ганюшкина направили политруком роты 1022-го стрелкового полка.

С фронта Леша писал, что обстановка очень тяжелая, очень трудно, что если понадобится, отдаст жизнь в борьбе за честь и независимость своей Родины, своего народа.

В декабре 1941 года, в самые тяжелые для страны дни, когда наша армия вынуждена была отступать, часть, в которой воевал Алексей, вела неравный бой под Ясной Поляной с превосходящими силами противника. Во время боя Алеша

был ранен и не мог со своими товарищами выйти из окружения. Тяжело раненный, он попал в плен и погиб в концентрационном лагере.

Алексей Ганюшкин погиб, защищая честь и независимость нашей Родины, и мы считаем, что его имя должно быть занесено на мемориальную доску.

«Менделеевец», 1966, № 15

Отступать некуда - позади Москва

**М. Катунский, заведующий лабораторией
ИХТ факультета**

Сейчас эти слова вошли в историю, их знает и стар, и мал.

И действительно, в ту суровую для Родины осень 1941 года отступать было некуда. В октябре германо-фашистская армия готовила у ворот Москвы «последний удар», рассчитывая на захват Москвы не позднее ноября.

Но даже в те тревожные дни нас не покидала твердая уверенность, что в Москве врагу не бывать, и, хотя гитлеровские офицеры и генералы любовались столицей в бинокли, предвкушая победу, мы чувствовали себя уверенно.

Мы только ждали часа приказа о наступлении.

5 декабря этот час пробил. За первые же дни наши части с боями прошли десятки километров. Были освобождены Солнечногорск и многие другие населенные пункты, а затем и районный центр Волоколамск.

Я писал выше о нашей уверенности в том, что немцам в Москве не бывать, но каждому понятно, как много пришлось пережить и выстрадать, пока эта уверенность подкреплена победой у стен Москвы.

В декабрьские дни 1941 года на дорогах, идущих от Москвы на Запад, мы насмотрелись на безмолвные «памятники» гитлеровской авантюры – целые колонны автомашин, бронетран-

Кричи, память!

спортеров, танков и артиллерийской техники, которые немцы бросали, отступая от самой Москвы, где они намеревались отпраздновать новогодний праздник. Новогодний праздник состоялся, но праздновали мы, а не они.

В канун 1942 года под Москвой был развеян миф о непобедимости гитлеровской Германии, и мы счастливы и горды тем, что нам довелось быть участниками исторической битвы под Москвой.

Мы глубоко скорбим и склоняем свои головы в память о тех, кто отдал свою жизнь за родную Москву.

«Менделеевец», 1966, № 15

Коммунисты всегда в строю

К. Леонов, преподаватель

Интересную жизнь прожил Леонид Владимирович Шварц – один из старейших коммунистов Менделеевского института. С 1939 г. он – преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма.

Свой рассказ об участии в Великой Отечественной войне он начал с воспоминаний.

— Я много повидал в своей жизни: участвовал в обороне Царицына и в боях против Деникина, вместе с 10-й армией освобождал закавказские республики – Армению и Грузию. Хорошо помню великолепную операцию наших моряков на Каспии. Они сумели отобрать в Энзели (это в Иране) советское имущество, захваченное белогвардейцами. Был я также и в Турции. Входил в состав советской военной миссии по оказанию помощи Турецкой республике, сражавшейся против империалистов. Прошло ровно 20 лет (бывают же такие совпадения!) и я снова возвратился в армию. Это было в августе 1941 года. Уходя из института, помню, какой напряженной военной жизнью жил его коллектив. В МХТИ были созданы группы самообороны. Днем и ночью мы внимательно следили за небом – опасались зажигательных бомб. Подвалы института были

превращены в бомбоубежище. Здесь, в случае появления немецких самолетов, могли укрыться жители района.

Леонид Владимирович – участник обороны и разгрома фашистских войск под Москвой. Наша армия, испытавшая горечь отступлений, научилась бить врага. Вместе с другими бойцами Л. Шварц испытал радость первой победы. Он видел повсюду огромное количество брошенной немцами техники. Он вспоминает, что у военных появилась уверенность, ощущение того, что враг обязательно будет разбит. «Моя самая дорогая и первая награда – это медаль «За боевые заслуги», которую я получил зимой 1942 года за участие в сражениях под Москвой. Был я тогда помощником начальника разведки полка и одновременно переводчиком».

В начале 1942 года Л. В. Шварц был назначен начальником 7 отделения политотдела 10-й армии. Он попал в ту самую армию, в которой служил и сражался под Царицыном в 1919 году. Теперь на него были возложены задачи, связанные с идейным разложением войск противника. Здесь Л. В. Шварцу пригодился политический опыт работы, обширные знания в области истории, великолепное знание немецкого языка (он хорошо также владеет французским и турецким языками). В этой должности надо было постоянно работать с пленными, перебежчиками, собирать необходимые данные для командования Советской Армии, участвовать в издании листовок, которые разбрасывались и войсках противника. Многие немцы впервые услышали подлинную правду о фашизме и войне. Некоторые из них становились членами организации «Свободная Германия», активными борцами за демократическую Германию.

Вместе с 10-й армией, а затем с войсками Второго Белорусского фронта Л. В. Шварц участвовал в операциях по окружению фашистской 100-тысячной армии около Минска, затем в боях за освобождение Польши, Восточной Пруссии, Берлина.

Советское правительство отметило заслуги Л. В. Шварца орденом Красной Звезды, двумя ордена Отечественной войны II степени, многими медалями. Правительство народной Поль-

Кричи, память!

ши наградило его «Крестом храбрых» и тремя медалями.

После войны Л. В. Шварц вернулся к преподавательской деятельности. Он успешно защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом.

«Менделеевец», 1966, № 16

Ветеран войны и труда Андрианов Борис Владимирович (1919-1989)

Много добрых слов пора сказать об одном из ветеранов битвы за Москву – доценте, одном из организаторов кафедры переработки пластмасс Андрианове Б.В.

Родился Борис Владимирович 10 января 1919 г. в Екатеринбурге (позднее Свердловск) на Урале. Рабочую деятельность начал в паровозном депо в г. Сызрани Куйбышевской железной дороги, где работал механиком. В 1939 г. после принятия нового закона «О Всеобщей воинской обязанности» был призван в ряды РККА. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Служил начальником группы технической разведки, участник боев на Юго-Западном и Западном Белорусском фронтах. Был ранен. После победы над фашистской Германией проходил службу на Дальневосточном фронте. Демобилизован в звании старшего лейтенанта.

Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За Отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», юбилейными медалями.

После демобилизации в 1946 г. поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева. Б.В. Андрианов – выпускник кафедры пластических масс 1951г. По распределению после выпуска работал в органах МВД и МГБ СССР.

В 1953 г. он поступил в аспирантуру, после окончания которой был оставлен на преподавательской работе. В течение ряда лет он работал ученым секретарем Совета по присуждению ученых степеней кандидата наук, работал заместителем декана органического факультета в период 1955 — 1960 гг.

С 1960 г. и до последних дней жизни Борис Владимирович служил на кафедре переработки пластмасс, начав с должности старшего преподавателя, заместителя заведующего кафедрой. Он вел курс «Основы химии полимеров», а затем «Химия и технология полимеров» – первый специальный курс, читаемый студентам новой специальности. Б.В. Андрианов также руководил лабораторным практикумом по этому курсу, отвечал за организацию учебного процесса по другим дисциплинам специальности.

Б.В. Андрианов занимался исследованиями в области регулирования свойств полиформальдегида в процессе переработки, проводимыми совместно с НИИПМ и при поддержке академика В.А. Каргина. По результатам работы творческому коллективу в составе: М.С. Акутин, Б.В. Андрианов, В.А. Каргин, В.Н. Котрелев был выдан патент США, один из первых в полимерной технологии. Позднее были получены патенты из других стран (Англия, Франция, Италия, Швеция).

В 1967 г. Б.В. Андрианов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук и стал одним из первых сотрудников кафедры, имевших степени кандидата наук. Он автор 60 научных статей.

Последняя награда доцента Андрианова – медаль «Ветеран труда СССР». В бою не подвел и в труде на ниве образования отличился.

«Менделеевцы – ветераны Великой Отечественной войны 1941-1945» (М., 2005)
«50 лет кафедре технологии переработки пластмасс» (М., 2010)

Кавалер Красной Звезды

Крупнолицего доктора «ухо-горло-нос» в Менделеевке знали все. Его веселую фамилию Петрулевич считали прозвищем. Каждый абитуриент далеких 60-х должен был обязательно посетить перед зачислением Александра Павловича. Кто-то запомнил его с флаконом нашатырного спирта, кто-то с колбочкой разбавленного этилового (редко кто из «абитуры» тех лет мог что-либо унюхать из той знаменитой колбы).

На праздник Победы многие удивлялись, увидев доктора при параде – два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, пять медалей...

Уже давно нет в Менделеевке поликлиники, а жаль. Но память о людях тех лет должна храниться и передаваться молодым поколениям, ведь это наша героическая история.

Родился А. П. Петрулевич в Новочеркасске Ростовской области 14 апреля 1904 г. Окончил 4 класса реального училища. В 1917г., когда Саше было 13 лет, погиб отец, и он стал основным кормильцем матери, младшей сестры и малолетнего брата. Чтобы заработать, приходилось браться за всякую работу. С 15 лет он работал в ж/д депо разнорабочим, потом помощником машиниста. В 1926-1928 гг. служил красноармейцем в Закавказском военном округе. Затем работал на стройках Донбасса. В 1933 г. приехал в Москву, окончил электротехнический техникум и начал работать на строительстве Московского метро.

Уже в 32 года поступил в 3-й Московский медицинский институт, из которого потом перевелся на Военный факультет 2-го Московского медицинского института. С 1940 г. работал врачом в Московском военном округе. В 1941 г. направлен старшим врачом батальона военного обслуживания Ивановской высшей школы штурманов. Перед самой войной 19 июня 1941 г. был переведен в авиационный полк обороны Москвы (дер. Липецы, Серпуховского района) начальником медсанчасти.

В октябре 1941 г. А. П. Петрулевич был назначен полковым врачом пехотного полка под Можайском, и всю войну служил в передовых войсках Западного фронта: Смоленск, Варшава-Берлин. За это время был начальником санитарной службы мотострелковой бригады (1942-1943 гг.), младшим врачом стрелкового полка (1943 г.), ординатором хирургического отделения военно-полевого госпиталя (1943-1944 гг.). Был ранен, лежал в госпитале, был контужен с большой потерей слуха. День Победы встретил в Берлине, где был врачом медсанчасти саперного полка.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалью «За отвагу». «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За доблесть в Отечественной войне». Рядом орденов и медалей был награжден в послевоенные годы.

В 1947 г. прошел специализацию как врач-оториноларинголог и далее работал по этой специальности. Уволился из армии по приказу № 100 в 1956 г. в чине полковника.

В 1957 г. в возрасте 52 лет поступил на работу в поликлинику МХТИ им Д. И. Менделеева, где в течении 30 лет работал врачом-оториноларингологом. Им была разработана и успешно применялась долгие годы нетрадиционная методика лечения профессиональных болезней лекторов. Александр Павлович с радостью помогал преподавателям, студентам, сотрудникам Менделеевского института, всем обращавшимся к нему за помощью. Всегда был весел, вселял в больных оптимизм и давал веру в выздоровление.

После расформирования поликлиники МХТИ (конец 80-х годов) перешел на работу в мастерские института, где проработал до середины 90-х годов. Полностью ушел с работы в возрасте 90 лет. Умер в 2002 г. в возрасте 98 лет. Всю жизнь чувствовал себя солдатом, воином, защитником: гордился семьей, коллегами, Менделеевским институтом, страной.

«Менделеевец», 2006, № 8

В великой битве за столицу

С. Васильев, старший преподаватель

Во второй половине октября 1941 года был получен приказ, которого мы так долго ждали. Ночью личный состав 415-й стрелковой дивизии был поднят по тревоге, быстрая посадка в эшелоны, и мы направляемся на Запад.

Равномерно стучат колеса товарных вагонов, и под их стук я, молодой командир Красной Армии, вспоминаю былое и думаю о том, что ждет нас впереди. Около четырех лет мне пришлось служить в войсках, стоявших на страже родного советского Дальнего Востока, на берегах Тихого океана и Амура. Нелегкой была наша служба. Сложная политическая обстановка, частые нарушения нашей границы японскими самураями и, наконец, суровая природа края...

Мы настойчиво, днем и ночью, в пургу и бесконечные приморские дожди учились и укрепляли пограничные районы. Мучение проходило в обстановке, максимально приближенной к боевой. Часто совершали многокилометровые пешие переходы, большую часть времени проводили в горах и тайге. Все это дало настоящую закалку, оказавшуюся такой необходимой на войне.

Война шла пятый месяц, а мы по-прежнему находились на берегах Уссури, однако помыслы наши были устремлены туда, на запад – к Москве, и вот приказ получен – мы едем на фронт.

Наконец, на одиннадцатые сутки (это очень быстро по времени) железнодорожники доставили нас в Подмосковье. После выгрузки мы совершили марш и сосредоточились в лесу, недалеко от Серпухова. Наша дивизия поступила в распоряжение 49-й армии Западного фронта. Эта армия оборонялась на широком фронте и своими силами смогла прочно прикрыть все занимаемые оборонительные рубежи. Противник сосредоточил западнее Серпухова крупную группировку войск, намереваясь овладеть этим городом и перерезать шоссе Тула-

Москва.

Чтобы сорвать план противника, командование Западного фронта решило частью сил 49-й Армии во взаимодействии с конно-механизированной группой в составе 2-го кавалерийского корпуса, нашей 415-й стрелковой дивизии, 112-й танковой дивизии, 145-й и 31-й танковых бригад под общим командованием генерала П. А. Белова нанести контрудар по сосредоточенной западнее Серпухова группировке фашистских войск. Противник оказывал исключительно упорное сопротивление. Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Храбро дрались сибиряки, раненые не покидали поле боя.

В этих боях погиб наш любимый командир полка майор Данилов. В первый день было освобождено несколько населенных пунктов, однако лесистая местность и бездорожье затрудняли успешное развитие наступления. Некоторые подразделения сбивались в ночное время со своих маршрутов. Но несмотря на это, наши части с боями продвинулись вглубь обороны противника, местами до 10 км, близко подошли к Протве.

Однако на дальнейшее продвижение сил не хватило. 17-18 ноября из района Трояново, Макарово, Высокиничи противник силами двух дивизий с танками при поддержке авиации нанес встречный контрудар по боевым порядкам группы Белова и начал теснить ее. Кровавопролитные бои шли целый день. В ночь на 18 ноября мы оторвались от противника и на другом участке фронта 49-й Армии перешли к обороне. По официальным данным в этой операции немцы потеряли более 5 тысяч солдат и офицеров.

Предпринятый контрудар наших войск сковал крупные силы немецко-фашистской армии и не дал ей возможности возобновить наступление на этом участке. А ведь гитлеровцы считали, что с Серпуховым вопрос уже решен, что Тула будет в их руках. Командующий гитлеровской 2-й танковой армией Гудериан похвалялся: «Если даже у меня останется один танк, я обязательно въеду на нем на Красную площадь». Но войска

Кричи, память!

49-й Армии и в том числе наша 415-я стрелковая дивизия не отдали врагу ни одного вершка позиций.

К началу декабря оборонительные бои на серпуховском направлении утихли. Враг здесь был остановлен. Между тем в скованных декабрьским морозом полях и лесах недалеко от старинного русского города Серпухова – притаились недобитые еще гитлеровцы. Враг рассчитывал прочно укрепиться и перезимовать у ворот советской столицы.

Но этому не суждено было случиться. Вскоре мы начали подготовку для перехода в контрнаступление, получили пополнение, технику, боеприпасы в достаточном количестве. Ощущались реальные результаты перехода нашей промышленности на военные рельсы. Вскоре дивизия совместно с другими соединениями перешла в наступление. Вместо лобовых атак (как это было в первое время) применили обходные маневры, перейдя к действию отдельных ударных батальонов, обходя узлы сопротивления с флангов и тыла.

На направлении Буриново – Высокиничи и Троицкое фашисты часто предпринимали «психические» атаки. Но это были последние судорожные попытки гитлеровцев сломить стойкость и мужество наших бойцов.

25 лет отделяют нас от этих событий, но память бережно хранит события грозных лет. И когда вспоминаешь ноябрь-декабрь 1941 года, снова переживаешь все минувшее. И не только переживаешь, а еще раз анализируешь события и спрашиваешь себя: все ли было нами сделано? Да! Командиры и бойцы-дальневосточники до конца выполнили свой долг, преградив грудью путь фашистским ордам на Москву с серпуховского направления.

«Менделеевец», 1966, № 37

Подвиг моряков

Н. Будрейко, заведующий кафедрой философии, гвардии подполковник запаса

Советскому народу хорошо известны храбрость и беззаветное мужество моряков при обороне городов-героев – Одессы и Севастополя. Но мало кто знает, что под стенами Москвы в обороне столицы также участвовали морские части. Они внесли свою долю в разгром немцев под Москвой. Моряки шли в самом остром наступлении Первой ударной сибирской Армии.

Наша 71-я бригада морской пехоты под командованием полковника Я. П. Безверхова, скомплектованная из добровольцев-моряков Тихоокеанского Флота, разгрузилась в одну из ночей – конца ноября в гор. Дмитрове. На вокзале уже рвались немецкие снаряды. Однако взять Дмитров противник все же не смог.

В начале декабря 1941 года бригада вступила в бой. Особенно ожесточенные бои развернулись 3-5 декабря за деревню Языково Дмитровского района. Языково несколько раз переходило из рук в руки. 5 декабря немцы в третий раз выбили части бригады из Языкова. Но уже через несколько часов небывало дружной и стремительной ночной штыковой атакой моряки заняли Языково окончательно.

Тут же, пока закреплялись в отбитой у гитлеровцев деревне, находящейся еще под минометным огнем, начальник политотдела старший политрук Никифоров, начальник автобронетанковой службы, члены партийной комиссии, в которую входил и я, начали прием в партию. Не один десяток моряков, еще возбужденных и разгоряченных боем, увешанных трофейными автоматами, стали тогда коммунистами.

Только на рассвете мы увидели то, что моряки сделали ночью. В домах, погребах, на огородах, на заснеженных улицах валялись сотни убитых немцев, догорающие машины, подбитые противотанковыми гранатами танки, брошенные орудия.

Кричи, память!

Поле боя говорит о многом. Сразу видно, кто наступал, кто оборонялся. Убитые моряки застыли в стремительном порыве вперед, лежали, сжимая винтовки, лицом и штыком обращенные к противнику. На лицах убитых немцев – застывший ужас, оружие брошено...

С рассветом, 6 декабря 1941 года мы вступили в новый период войны. Мы впервые пошли на Запад. Первые километры на земле, побывавшей под немцами. Невозможно забыть то, с чем столкнулись. При самом выходе из Языкова прямо на снежной дороге лежат три обгорелых тела. По клочкам черных бушлатов и тельняшек узнали моряков из нашей бригады. Рядом валяется канистра с остатками бензина. До сих пор мы только слышали о жестокостях немцев, читали в газетах, теперь это увидели своими глазами. На окраине одной из деревень мы наткнулись на лежащие на снегу тела красноармейцев, расстрелянных немцами. Стоявший рядом огромный коровник был битком забит телами расстрелянных. То же и в другом сарае.

Суровыми становились лица проходящих мимо в наступление моряков. Это было сильнее всяких митингов и речей. Мы знали: воевать будут до последнего вздоха. Озверелому врагу пощады не ждуть.

Как и вся армия, бригада наступала так стремительно, что часто немцы, бросая все, едва успевали убежать. В одном доме только что занятой деревни мы наткнулись на накрытый стол с маленькой елочкой, в бокалах вино, горящие свечи... Но вместо приятной встречи рождества немцам пришлось в жгучий мороз, утопая в снегу, отступать до следующей деревни.

Через несколько дней горизонт обагрился пожарами. Немцы, отступая, жгли деревни, в оставшихся домах минировали двери, стулья, но этим наше наступление задержать не смогли.

Во взятый первой ударной армией г. Клин приезжал министр иностранных дел Великобритании Иден. Огромное впечатление на англичан произвели масса разбитой немецкой техники, которой несколько километров было забито Рогачев-

ское шоссе, большие потери противника в живой силе. Видимо, только тогда они поняли, что такое воевать в России.

Солнечногорск, Клин, десятки деревень остались после нашей бригады. Тысячи наглых и самоуверенных завоевателей, претендентов на мировое господство, сотни разбитых машин, десятки орудий навечно остались в глубоких снегах Подмосковья. Непосредственная опасность для нашей родной Москвы миновала. Бригада понесла большие потери. Правда, значительно меньшие, чем противник.

С большим энтузиазмом и огромной верой в победу сражались моряки под Москвой. Дружба и взаимная выручка были необычайны. Весь командный и рядовой состав во главе с «батей», как любя называли моряки полковника Безверхова, и комиссаром Бобровым Е.В. представлял сплоченную, боевую флотскую семью. Даже легко раненые всегда оставались в строю. В критические минуты «батя» давал команду: «Взять винтовки со штыками!»... и свой штаб переносил в боевые порядки.

Пленные и жители освобожденных городов и деревень рассказывали о паническом страхе немцев перед «черной смертью», как они прозвали моряков, перед их дружным напором и неотразимым шоковым ударом. Моряки были одеты в обыкновенные серые солдатские шинели, но когда начиналась атака, они сбрасывали их и, надев бескозырки в одних черных бушлатах неудержимой лавиной рвались вперед, соблюдая святую традицию моряков: «Служу в пехоте, а воюю по-флотски».

В начале января 1942 года бригаду вывели из боев на отдых в район г. Клина. Там нам вручили гвардейское знамя, бригада стала именоваться 2-й Гвардейской бригадой морской пехоты.

«Менделеевец», 1966, № 37

Защищая Москву

П. М. Лукьянов, профессор

Двадцать пять лет! Четверть века прошло с того, недоброй памяти, воскресенья 22 июня 1941 года, когда разрывы тысяч бомб и снарядов заставили советских людей на четыре года отложить все мирные дела и взяться за оружие. Двадцать один год прошел со дня всенародной радости и гордости, со дня победы над фашизмом. Но никогда, ни на один день не забудут все честные люди миллионы героев, отдавших самое дорогое – свою жизнь за мир и счастье на земле.

Сегодня, в преддверии всенародного праздника Победы мне хочется рассказать об одном воспитаннике аспирантуры Менделеевки, Вигене Абетнаковиче Петросяне. Судьба Петросяна характерна для тысяч наших людей, сознательная жизнь которых началась в первые годы советской власти. Уроженец небогатой армянской семьи, В. А. Петросян в годы юношества работал и курьером, и конторщиком, и экспедитором, прошел все «университеты» нелегкой трудовой жизни.

В 1930 году осуществилась мечта Петросяна – он стал студентом Ереванского политехнического института. Уже дипломная работа Петросяна – проект хлорной электролитической ванны – обратила на себя внимание специалистов. Молодого, талантливого ученого партийная и комсомольская организации института рекомендовали для учебы в аспирантуре при Менделеевском институте, на кафедре прикладной электрохимии. Все, кто помнит В. А. Петросяна, вспоминают о нем как об исключительно жизнерадостном, веселом человеке, удивительно работоспособном, готовом всегда помочь товарищам и студентам. Виген во время учебы в аспирантуре был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ, агитатором, вел практические занятия со студентами.

Наступила весна сорок первого года. В мае В. А. Петросян докладывал на Ученом совете факультета результаты своей

трехлетней диссертационной работы. Официальные оппоненты – член-корр. АН СССР Н. А. Изгарышев и проф. С. В. Горбачев высоко оценили работу молодого диссертанта. Ученый совет единодушно присудил В. А. Петрову ученую степень кандидата технических наук. Перед ученым открылась блестящая дорога в большую науку. Но через месяц опасность, нависшая над Родиной, заставила Петросяна сменить научную лабораторию на тяжелые дороги военного лета сорок первого года.

Защищая подступы к столице, в тяжелейших боях погиб кандидат наук Виген Абетнакович Петросян. Память об этом скромном, жизнерадостном, честном человеке сохраняют все знавшие его, так же как не изгладится из памяти живых вечная благодарность всем, кто погиб, защищая Родину.

«Менделеевец», 1966, № 16

Народное ополчение

А. Казанцев, заведующий кафедрой политэкономии

Гитлеровцы, ведя бешеное наступление на Москву, сами того не зная, как бы сжимали гигантскую стальную пружину, которая в любой момент могла нанести сокрушительный удар по их полчищам.

Эту пружину представляли регулярные советские войска, получившие подкрепление из восточных районов нашей страны, новое вооружение, созданное руками рабочих, урожай колхозных полей, коммунистические полки, истребительные батальоны и труженики города, которые не только самоотверженно выполняли свою работу, но и создавали оборону вне и в самом городе. Воля к победе, ненависть к врагу закаляли защитников Москвы, и враг скоро почувствовал их силу на своей спине.

Прошло 25 лет со дня разгрома фашистских захватчиков под Москвой. По-разному участвовали советские люди в этой

Кричи, память!

исторической битве. Многих защитников украшают медали, но у многих их нет. И не в этом дело. Разгром гитлеровских полчищ под Москвой – это успех всех советских людей. В этом мы убеждаемся на примере нашей кафедры.

Георгий Харитонович Барулин с первых дней вошел в состав истребительного батальона и охранял военные объекты Москвы. Тревожные ночи 41-го, «зажигалки», сбрасываемые с крыш объектов, грохот зениток напоминают ему суровое время.

Успех обороны Москвы зависел от защиты дальних и ближних подступов к ней. Многие города героически сопротивлялись, и ряд из них оказался неприступной крепостью. Такой крепостью стала пролетарская Тула с ее оборонными заводами. Среди солдат и ополченцев в то время можно было встретить лектора тульского обкома партии, а затем политлектора Армии Бельскую Раиль Абрамовну.

Солдатом в Бауманской дивизии служил в те дни под Ельней Иван Федорович Тимофеев. Особенно гитлеровцы бесчинствовали и остервенело рвались на Истринском направлении. В этот район был направлен Коммунистический полк, сформированный из слушателей Военно-политической Академии им. В. И. Ленина. Командиром роты в то время был назначен Иван Иванович Штукатуров... Трудновато было, приходилось обходиться минимумом средств защиты, но они все-таки выстояли и передали свой рубеж действующей Армии для наступления на этом участке фронта.

— Ну, а Вы, Аркадий Сергеевич, за что были награждены медалью «За оборону Москвы»?— спрашивают многие члены кафедры. По правде говоря, мне, пишущему эти строки, не хотелось романтизировать те трудные дни. Могу только сказать, что в период с 22 июня 1941 года по февраль 1942 года мне довелось вести работу по привлечению молодежи в школы медицинских сестер, саперов, десантников. Как и все ополченцы-москвичи строил оборонительные укрепления на подступах к Москве и ближайшим аэродромам.

Разгром немцев под Москвой – первая славная страница периода Великой Отечественной войны. Эхо мощных советских артиллерийских победных залпов докатилось в то время до глухих уголков Азии, Черной Африки, Южной Америки и Кубы. В Гаванском университете мне довелось беседовать с иностранными преподавателями политэкономии Эскалоне, Кантоном и Сантьяго, которые в то время вели революционную работу.

«Какой вздох облегчения произошел, – рассказывали они мне, – когда стало известно о «Гитлер капут» под Москвой. Человечество еще в большей степени с тех пор уверовало в силу свободолюбия, в силу коммунизма».

«Менделеевец», 1966, № 37

Гвардии менделеевец

А. Жуков, доцент

Звание *менделеевец* не определено ни уставом, ни протоколом. Лет десять назад Ученый совет утвердил титул «Почетный менделеевец», этакую ветеранскую лычку – за заслуги, за верность. Из 19 титулованных – практически все профессора, выборка мала. Но среди имен – легенд, да и мифов, составляющих неписанную, неизданную историю Менделеевки, есть и другие имена. Менделеевец – это ведь не только выпускник-инженер. Менделеевец – это скорее человек определенного образа мыслей и дел, сформированного гением места Миус и окрестностей.

Гвардии полковник Владимир Дымов объявился в приемной директора института в ноябре 1954 года и сорок лет верой и правдой, умением и знаниями, интеллектом и опытом служил Менделеевке, в первую очередь ее студентам.

Родился Владимир Николаевич в мае 1919 года на Малороссии, в благодатном южноукраинском селе. Хлопец рос тол-

Кричи, память!

ковым, знаний, терпения, настойчивости хватило на химфак МГУ, для 1936 года – это был показатель. (Замечу с гордостью за учителя, что наш тихий парубок «отбил» у многочисленных поклонников первую красавицу МГУ начала 1940-х с божественным именем Татьяна).

Войну встретил на студенческом преддипломном пикнике, где-то в Подмосковье, сразу в райвоенкомат, там отмахнулись где, мол, диплом? Наконец, получены дипломы, но заявления добровольцев лежат без ответа. А Информбюро сообщает, что оставили... (города, города, о селах нет слов).

8 июля пришли повестки, вновь разочарование, даже обида, дорога в тыл, на курсы подготовки командного состава химической службы. Дело было серьезное, у нацистов не пропал зря боевой опыт отца-прародителя химической войны Фрица Габера. О почетном иностранном члене АН СССР хорошо помнили. Однажды, где-то в дороге заговорили с В.Н. о былой возможности химической атаки немцев, заявлениях Ворошилова и Черчилля по этому поводу. Полковник запаса сказал, что после того как фашисты захватили Сталиногорск и оценили химические мощности Союза, они поняли, что слова первого маршала и сэра Уинстона, о том, что если немцы лишь побрызгают ОВ под Москвой, Германия будет залита ипритом – не шутка.

Воевать интеллектуалу-химику пришлось в кавалерии. Декабрь 1941 – Подмосковье, рейды на Смоленщину. Спрашивали у В.Н.(инициаторами разговоров о войне обычно были мы, молодые его коллеги), какие породы лошадей были в войсках тех лет: ахал-текинцы или буденновские? Отвечает – кормить ни тех, ни других было нечем, съели их почти сразу. Хорошо, что Чой-балсан прислал монголок, те и под снегом Смоленщины корм находили, ветки жевали.

Дальше Курская битва, операция «Багратион», «сонная Висла» (орден «Крест Храбрых»), Эльба, встречи с томми и янки...

После войны - офицер для поручений в штабе Главнокомандующего Советской администрации в Германии, началь-

ник канцелярии (а потому что химик, интеллектуал, МГУшник, боевой офицер и пр. пр.). Как-то в случайном разговоре упомянул о том, что маршал Жуков Г.К., чувствуя дыхание опалы (мягкий термин), «разгонял» от возможных репрессий своих верных штабистов.

Говорили и о том, как служилось при маршале В. Н. Чуйкове. Любил рассказывать, как опекал в Германии народного артиста И.С. Козловского – одел, обул, снарядил его, а тот на протокольную встречу с маршалом появился рвань-рванью. Русская природная смекалка с артистизмом в придачу. Одежи, обуви «народного» еще не один раз.

После увольнения в запас пришел простым м.н.с. на кафедру органики МХТИ – химик потому что. Лет 30 ждал встречи с лабораторией. Руки золотые, малороссийские. С топором, рубанком, коловоротом в ладах. На юге, в Вишневке под Лазаревским, где мы (МХТИ) отвечали за работу интерлагеря для студентов, начальник лагеря В.Н. Дымов показал класс и рабочую выучку, соорудив собственноручно с помощью только топора современную сцену для никому неизвестного в те дни ансамбля «Машина времени» с Макаревичем, барабанщиком Фокиным, внуком Микояна, каким-то японцем и др. Раскрытку «Машины времени» начал он, полковник Дымов (вместе с другим полковником В.Я. Мешковым в далеких 70-х).

Ушел из жизни ветеран тихо, хлопотал на Поклонной горе, для ветеранов наших добывал редкий тогда трехтомник воспоминаний (без вымарок) маршала Жукова, встречался со школьниками.

У гвардейцев один недостаток – сердце, обычное человеческое. В августе 1941 года он принял присягу, в конце ноября 1941 г. ему присвоили воинское звание (сразу и не назову какое), 30 апреля 1945 г. он «рассматривал» Берлин, в ноябре 1954 г. появился в Менделеевке, с 1974 г. на органике, даже в приемных комиссиях работал. В мае 1995 г. он пригубил рюмочку за юбилей Великой Победы – гвардии менделеевец, гвардии учитель – Дымов Владимир Николаевич – солдат Мира

Кричи, память!

родом из села Марьинское, что где-то на Малороссии.

В 1941 году 87 ребят с его курса в Университете пошли на встречу с «цивилизованной» Европой. Вернулись только 29. Велика, безмерна наша дань молохам этой «цивилизации». Помнить их всех поименно – наш долг.

«Менделеевец», 2005, № 8

МХТИ – фронту

В. Власов, доцент

Начало учебных занятий в институте в сентябре 1941 года проходило в тревожной обстановке: у стен Москвы стоял враг. Распоряжением правительства и Министерства химической промышленности институт эвакуировался в Коканд. На последнем собрании студентов и профессорско-преподавательского состава была проведена запись добровольцев в народное ополчение. Отдано распоряжение о вывозе части лабораторного оборудования. Студенты, преподаватели организованно на машинах отправились на вокзал.

Институт опустел. Осталась охрана с комендантом и ответственное лицо по институту – управляющий научно-экспериментальным производством.

Проходя по непривычно пустым коридорам, аудиториям, лабораториям, библиотеке, Малому актовому залу, с грустью вспоминаешь проведенные здесь студенческие, затем преподавательские годы.

Фронт под Москвой, слышна артиллерийская стрельба. При очередном налете фашистской авиации на Москву одна из авиационных бомб была сброшена на Большой актовый зал, пробила крышу, но, к счастью, не взорвалась.

В октябре, после беседы с секретарем райкома партии тов. Новиковым, в институте развернулась оборонная работа. Вызваны были рабочие типографии, цеха фильтров. В типографии печатаются фронтовые газеты, инструкции по обращению

с минометами и другие фронтные материалы. Пускается важный цех, который имел большое значение для выпуска оборонной продукции. Активное участие в организации работы цеха принимал тов. В. И. Шувалов. Работали в цехе и преподаватели.

Доцентом Я. М. Паушкиным были созданы активные горючие смеси, доцент А. А. Шидловский создал краски, светящиеся на близком расстоянии. Ими смазывались тротуары и выступы зданий для удобства передвижения населения по затемненным улицам города.

Под руководством профессора С. В. Горбачева мы стали выпускать продукцию для фронта.

Приятно было в одну из утренних передач по радио в это тяжелое время услышать благодарность нашему институту за активную оборонную работу.

«Менделеевец», 1966, № 37

В труде, как в бою

В. Лекае, профессор

Наши части оставляют Могилев, Смоленск, Брянск, Малоярославец. Фронт подходит вплотную к Москве. Столица живет трудной прифронтной жизнью. Настроение тревожное. Немец иногда прорывается с воздуха на Москву. Разрушен фронтон Большого театра. Около Октябрьской площади трехтонной бомбой разбит жилой дом. Ополчение и мобилизованное население строят оборонительные укрепления. Все крупные предприятия эвакуированы на восток. Эвакуируется и МХТИ в город Коканд Узбекской ССР.

Ноябрьские метели, заносы, морозы до 30°. Продовольствие – только по карточкам. Не хватает электроэнергии, топлива. Метро не работает. Составы метрпоездов уведены. В тоннелях пусто. Во время воздушных налетов в тоннелях укрываются москвичи. Спущена вода из системы отопления в жи-

Кричи, память!

лых домах, отключены телефоны, мосты заминированы. Наши танки стоят на Миусской площади, скоро они вступят в бой с врагом в Подмосковье.

В эти дни я стал работать начальником цеха пиррофорных сплавов химического завода. Начали работать для фронта с малого. В лаборатории кафедры силикатов МХТИ вместе с профессором М. П. Лукьяновым организовали производство кремней для зажигалок. Кремни. Сейчас это слово, может быть, вызовет улыбку. Но тогда и они были нужны. Технология производства кремней неясна, никаких данных не было. Брели наугад, но все же общими силами удалось наладить производство. За продукцией приезжают нарочные из воинских частей, прямо с фронта. Производство расширяется и переносится с территории института.

В начале 1942 года меня переводят на работу начальником механического цеха одного завода. Завод производит противотанковую зажигательную смесь и электробатареи для радиостанций. Несмотря на острую нехватку электроэнергии (целые районы Москвы ежедневно отключаются на несколько часов), наши карбидные электропечи работают бесперебойно, снабжая оборонные заводы карбидом кальция.

Работать трудно, очень трудно. Белый фосфор для зажигательной смеси поступает без упаковки, в 60-тонных цистернах под водой. Выгрузка блоков по 18 кг проводится вручную через верхний люк цистерны. На разгрузку дается только 6 часов.

Слесари бригады тов. Азарова Я. И. работают по двое, трое суток, не выходя из цеха. Да не только они, все работают так.

«Все для фронта, все для победы!» – под таким девизом работал и жил коллектив завода. И трудно передать нашу радость, когда мы слушали по радио сводки Информбюро о разгроме фашистских дивизий под Москвой.

«Менделеевец», 1966, № 37

Институт жил и работал

О. Бурмистрова, старший преподаватель

Н. Бахчисарайцян, доцент

«По заданию Наркома боеприпасов Сергей Васильевич Горбачев налаживает полукустарное изготовление взрывателей к противотанковым гранатам, а в октябре 1941-го берётся за организацию в полуподвальных помещениях производства нового взрывчатого вещества для капсулей артиллерийских патронов. Созданная за три недели промышленная установка позволяла получать две тонны опасной продукции в сутки. И это непрерывное производство работало в холодных помещениях, несмотря на бомбёжки, периодическое отключение электричества и воды до лета 1942 г.»

Из книги С. В. Горбачев М.:2009

Москва поздней осенью 1941 года. Опустевшая, замерзшая, тихая в промежутках между воздушными налетами, темная, настороженная... И наш институт тоже пустой и тихий после эвакуации, тоже замерзающий, вернее совсем замерзший, так как зимой 1941/42 года отопление не работало. Но всё же институт жил и работал. По заданию Наркомата боеприпасов, под руководством профессора С. В. Горбачева группа менделеевцев выполняла особо важную работу для фронта.

Группа... Нет, это было много больше, значительно больше, чем просто группа. Сергей Васильевич сумел сплотить воедино людей, не только различных по склонностям и возрастам, не только не знакомых до этого друг с другом, но и никогда не работавших по этой специальности. И вот за короткое время мы стали настоящим дружным коллективом, готовым работать в любых условиях, чтобы приблизить победу.

Хотя почти все мы уже имели стаж работы, только тогда впервые узнали, что такое настоящий коллектив, в котором один был за всех и все за одного. А трудностей в те дни было

Кричи, память!

более чем достаточно. Отсутствовало необходимое оборудование, и многое приходилось изготавливать самим. Не хватало материалов, посуды, реактивов, иногда отсутствовала вода — водопровод промерзал насквозь. Трудно всем было и дома — тоже холод и полуголодное существование. Фронт подошел так близко, что слышался гул орудий, а бомбежки повторялись по несколько раз в день. Тем не менее, все были настроены бодро, никто не унывал, работали много, и дело двигалось вперед успешно. За короткое время нам удалось наладить производство, и продукция бесперебойно поставлялась заказчику.

Душой коллектива был Борис Борисович Кудрявцев, воспитанник нашего института, молодой, энергичный ученый, человек от природы исключительно жизнерадостный, обладавший редкой душевной стойкостью и умением быть выше мелочей жизни. Его доброе слово, остроумные шутки помогали в нужный момент поднять настроение разрядить атмосферу.

Много лет прошло с тех пор. И сейчас работают в институте С. Горбачев, М. Карапетьянц, Е. Старостенко, С. Дракин, М. Пуркалн, К. Кучерова, М. Лунина, Л. Устинова и авторы этих строк. По разным местам разбросала жизнь наших товарищей по работе З. Лифатову, О. Нитче, И. Иванову, В. Фриз-Палий, В. Андрееву, В. Бабишева, но все мы до сих пор сохранили друг к другу теплые чувства. В наших воспоминаниях осталось очень дорогим все, то относится к тому трудному периоду жизни страны и нашей жизни, к поздней осени 1941 года.

И в праздники, и в будни входит в наши дома сорок первый год. Он стал величайшей болью народа и гордой славой его. Этот год никому никогда не забыть.

«Менделеевец», 1966, № 39

Все работали на Победу

Е. Ю. Орлова, профессор ИХТ

В мою жизнь, как и в жизнь миллионов советских людей, война ворвалась неожиданно. Война застала меня в Дзержинске, куда я приехала 22 июня к студентам, проходившим там практику. 23 июня я вернулась в институт и партком послал меня на Белорусский вокзал проводить беседы и сообщать радиосводки находящимся там солдатам.

Уже в первые дни войны химики Менделеевского института получили задания на несколько разработок военного характера. Их выполняли предельно быстро, всеми имевшимися в институте силами. Неважно, кем ты был – органиком или неоргаником, силикатчиком или топливником – задания требовали участия всех научных сил.

Регулярно собирался Ученый Совет, хотя с июля, когда начались бомбежки, его заседания проходили в бомбоубежище. На одном из таких заседаний Ученого Совета защитил докторскую диссертацию один из крупнейших советских специалистов в области взрывчатых веществ Константин Константинович Андреев, защитила свою диссертацию и я. В эти дни тематика работ Андреева стала особенно актуальной. Хочу рассказать об исследовании, проведенном им в 1942 г., когда фронт и страна испытывали особенно острую нехватку взрывчатых веществ и сырья для их производства. Работая в далеком Коканде, Андреев разработал новый состав из группы динамонов. Это было достаточно сильное взрывчатое вещество, его использовали в годы войны. Но мало кто знал, что горючим в нем служил перемолотый хлопковый жмых.

Осенью 1941 года институт эвакуировали из Москвы в Коканд. В зданиях на Миусской осталась лишь, небольшая группа химиков, лаборантов и рабочих производственных мастерских. Мастерские и немногочисленные лаборатории работали на нужды фронта.

Задачи, которые нам, оставшимся в Москве, приходилось решать в то время, были предельно конкретны и актуальны. Расскажу об одной из них.

Немцы рвались к Москве. Нужно было много взрывчатых веществ для сооружения минных полей, но взрывчатых веществ и сырья для их производства не хватало, поскольку бомбардировки осложняли подвоз боеприпасов.

В этих условиях выяснилось, что неподалеку от Москвы сохранился склад бертолетовой соли – сильного окислителя в составах осветительных ракет. В боевые взрывчатые вещества бертолетовая соль не вводится. Этот окислитель слишком опасен, так как быстро и активно взаимодействует с горючим... Однако, в тяжелые дни битвы за столицу тонны вещества, принципиально пригодного для взрывчатых составов, были ценной находкой. Нужно было только разработать составы и конструкции мин, в которых можно использовать бертолетовую соль. Попытались «совместить» это вещество с другими, но ничего не вышло. Композиции оказались слишком чувствительными, они могли взорваться при доставке.

Враг рвался к столице, шли кровопролитные бои в Подмосковье. Немец стремительно наступал, взял Вязьму Смоленск, Клин, Наро-Фоминск.

Фронт подходил все ближе к Москве, ему нужны были наши разработки. И решение пришло – решение чисто конструктивное. На основе бертолетовой соли нашей московской группой, куда входили Орлова Е.Ю., Паушкин Я.М., Шидловский А.А. и Пуркалн М.М., были разработаны мины отдельного снаряжения.

Заряды бертолетовой соли помещали в мешочек из хлопчатобумажной ткани. Эти мешочки, капсулы – детонаторы и сосуды с жидким горючим, по отдельности доставляли на минное поле. В таком виде каждый компонент будущей мины безопасен. А уже на месте закладки сапер, согласно инструкции, прикреплял капсулу к мешочку, и на несколько секунд опускал мешочек в горючее. Окислитель пропитывался им, и «мина»

была готова. Эти мины были нашим вкладом в оборону Москвы. (Гораздо позже, в середине 50-х годов, аналогичный способ изготовления взрывчатых веществ непосредственно на месте применения был использован в горной промышленности.)

Все шире развертывались исследовательские работы. После контузии вернулся с фронта Николай Гаврилович Чернышев. Он возглавил группу, разрабатывавшую новый взрывчатый состав на основе тетранитрометана – для снаряжения авиационных бомб...

Одной из самых важных работ, выполненных учеными Менделеевки в годы войны, была работа профессора Александра Семеновича Бакаева по стабилизации порохов. Как известно, основу бездымных порохов составляют нитроэфиры – нитроцеллюлоза, нитроглицерин и другие вещества, сравнительно легко разлагающиеся. Чтобы предотвратить их самораспад, пороховики вводят в свои рецептуры вещества стабилизаторы. Самыми распространенными стабилизаторами у нас и за рубежом считались центролиты. Это не очень сложные органические вещества производные дефенилмочевины, но перед войной их выпускал только один завод, расположенный в европейской части страны. Этот завод был разрушен в первые месяцы. Пока налаживалось новое производство, запасы централита быстро таяли. Нужно было срочно новый - обязательно недефицитный стабилизатор порохов. Эту задачу решил А.С. Бакаев. Предложенный им стабилизатор был настолько простым и известным веществом, что вначале даже не верилось... Всю войну наша артиллерия провела с бакаевским стабилизатором. Сейчас уже можно назвать это сверхсекретное в годы войны вещество. Стабилизатором наших порохов была окись магния.

Зимой 1942 года, когда фашисты были отброшены от нашей столицы, менделеевцы получили приказ собрать оставшихся в Москве студентов-химиков из разных институтов и возобновить занятия.

Я стала заведующей кафедрой взрывчатых веществ и де-

Кричи, память!

каном факультета.

В феврале в неотопливаемых аудиториях на Миусской состоялись первые лекции. И студенты, и преподаватели не снимали пальто. Еще хуже было с лабораторными занятиями: не хватало приборов, посуды и реактивов, не работал водопровод, за водой ходили в подвал. Несмотря на это, занятия шли по ускоренным программам, круглый год. Стране нужны были специалисты по оборонной химии, и институт готовил их. В декабре 1942 года состоялся первый военный выпуск Менделеевского института.

Возможно, все, чем мы занимались в то время, сейчас покажется не очень важным, второстепенным. Но в этих работах проявилось стремление каждого химика в меру своих сил и возможностей приблизить победу. И это, конечно, было характерно не только для менделеевцев. К оборонной химии обращались люди, прежде очень далекие от нее. Например, профессор Е.Н. Талон из Тимирязевской сельскохозяйственной академии предложил новый состав для капсулей – детонаторов. Подобных примеров было множество. Лозунг «Все для фронта, все для Победы» для нас был больше, чем лозунг. Им определялась вся наша работа, вся жизнь.

«Исторический вестник РХТУ», 2010, №31

Наша помощь партизанам

Я. Паушкин, академик АН БССР

Октябрь, ноябрь, декабрь 1941 г. - предгрозовая обстановка, фронт рядом. Часть спецфака, как и институт, продолжает работать, готовить инженеров по боеприпасам, продолжает работать для фронта.

Приехали к нам из подмосковного прифронтового партизанского центра, который был за Химками. Нужна помощь в снабжении партизан снаряжением для борьбы с противником, - боеприпасы замедленного действия: зажигательные а подрывные заряды. Для этого – нужен был механизм, который

приводил бы заряд обычного взрывчатого вещества (толовую шашку) или специальное зажигательное устройство в действие.

Линия фронта подошла к Москве совсем близко (40 км от центра столицы). Необходимо было организовать производство своими силами нужных зарядов для групп партизан, направляемых в тылы противника.

Первое, что делалось при участии опергруппы (одного из базовых институтов МХТИ им. Д.И.Менделеева) – это создание химических взрывателей замедленного действия, так как часовых механизмов не было в достаточном количестве, и подмосковная оперативная партизанская база ими не располагала.

Принцип действия таких взрывателей состоял в том, что была взята смесь бертолетовой соли (хлората калия) с сахарной пудрой. При реакции серной кислоты с хлоратом калия образовывалась хлорноватистая кислота, которая легко реагировала с сахаром с возгоранием всего воспламенительного состава. Состав из окислителя и горючего склеивался в виде столбика (иногда спрессовывался), который имел гнездо для бикфордового шнура, передающего огонь детонатору или пиротехническому воспламенителю через 6-10 секунд.

Для того, чтобы воспламенение не наступило быстро, серная кислота помещалась в стеклянной запаянной ампуле, которая была отделена от воспламенителя пергаментной бумагой. При раздавливании ампулы серная кислота попадала на пергамент, который разрушался через 20-30 мин., а затем загоралась воспламенительная смесь и передавала импульс детонатору и основному воспламенителю. В этой работе участвовали Малахов, Паушкин, Шидловский, Орлова и др.

Устройство было быстро освоено и организовано его серийное производство в комплекте с шашкой взрывчатого вещества. Помню, Малахов, что-то объясняя, показал, как лучше раздавить ампулы с серной кислотой на готовом взрывателе и вышел из комнаты, где была собрана партия взрывных

Кричи, память!

устройств замедленного действия. Минут через 15-20 зашел, когда воспламенитель сработал и уже горел бикфордов шнур, т.е. оставалось 4-5 секунд до детонации. Он быстро вынул и отбросил воспламенитель. Ничего не произошло, кроме рискованного опыта.

Приезжали машины и забирали наши изделия. Как-то я был на одной передовой базе подготовки партизан подрывников. Запомнились молодые люди в ватниках с автоматами или винтовками. Мы показывали партизанам, как обращаться с нашими изделиями на практике.

Кроме того, я занимался еще созданием и зажигательных шашек, которые по внешнему виду ничем не отличались от древесины. Делалось это таким образом: нужное по форме изделие из дерева (например, брусок), помещали в расплавленную эвтектическую смесь из калиевой и натриевой селитры при температуре около 150-180°C. При этом воздух и влага выделялись из пор древесины, а при охлаждении поры заполнялись жидким расплавом калиевой и натриевой селитры.

Готовились и специальные портативные взрывчатые боеприпасы, для чего делали продолговатый мешок необходимой формы, в который засыпали 0,5-1 кг хлората калия или перхлората. Эти вещества сами по себе безопасны, однако помещенные в керосин, дизельное топливо, бензин или другое жидкое горючее, поглодали определенное количество этого горючего и представляли собой взрывчатое вещество, детонирующее от детонатора. Проводился также ряд других работ в этой связи.

В дальнейшем Е.Ю. Орлова работала над жидкими ракетными топливами на основе азотной кислоты и керосина. Уже в это время готовилась жидкостная ракетная техника.

После войны большинство из нас стали докторами наук, многие лауреатами Государственных премий, работали в области ракетной техники и других сферах науки, совершили ряд открытий и важных разработок. Я долгое время сотрудничал с академиком С.П. Королевым.

«Исторический вестник РХТУ», 2010, №31

Испытания выдержаны с честью

В. Дубина, доцент

В феврале 1942 года снова ожили кафедры и аудитории института, но далеко не все. А если говорить о том, что ожили...

В институте практически не топили, в лабораториях не было газа, иногда замерзала вода, лопались склянки с приготовленными растворами. Студенческих групп не было: на каждом курсе начали заниматься по 25 - 30 человек, да и из них практически 75 процентов совмещали учебу с работой на предприятиях.

Сейчас трудно себе представить, как тяжело было записывать лекцию! Аудитория физики 242-я. У доски профессор Е. М. Александрова. Идет лекция по физической химии. Так холодно, что даже подумать о том, что можно снять пальто, шапку – страшно. Елизавета Михайловна каждый раз после того, как напишет на доске формулу, старается спрятать руки в муфту. Писать в тяжелых рукавицах неудобно, да и как побороть сон после ночной работы!

Вскоре начали прибывать иногородние студенты, по вызовам. Им было еще тяжелее. Общежитие не было восстановлено, жили в холодных аудиториях, еще хуже было с питанием.

Стало пригревать солнышко, стало теплее и в институте. В июне началась экзаменационная сессия. Однако нам не пришлось сдать ее полностью: ровно через две недели после начала сессии мы были мобилизованы для выполнения трудовых работ.

...Итак, около 80 девчат I и II курсов прибыли на Лужниковскую набережную Москвы. Работа предстояла очень тяжелая: вне зависимости от времени суток, погоды и т. д. разгружать прибывающие в Москву по воде плоты и баржи с лесом, разгружать целые составы пульмановских вагонов с пятиметровыми «кряжами», грузить дрова на грузовой трамвай, развозить материалы по складам.

Кричи, память!

Если представить, что нам было по 18 - 20 лет, что спать нам иногда приходилось по 4 - 5 часов в сутки и то с перерывами, что на обед мы получали на первое «капусту неотфильтрованную», а на второе – «капусту отфильтрованную», то будет понятно, как нам было трудно.

В большом бараке, на самом берегу Москвы-реки, напротив Ленинских гор, там, где сейчас раскинулся наш прекрасный спортивный город, жили 40 девчат. Среди ночи часто раздавался крик: «Девочки, подъем!» И сонные девчата, на ходу натягивая рукавицы, брюки и телогрейки, бросались на очередной «штурм леса».

Случалось, что от усталости ноги и руки отказывались тебе повиноваться. Так, в темноте сорвалась с большого запала бревен Таня Бурсиан и сильно расшибла голову. Около пяти километров мы несли ее на руках в общежитие, меняясь по очереди. Сорвалась с крана и, упав на дрова в барже, насмерть разбилась молодая девчушка, из тех, кто приезжал нам помогать по воскресеньям. Попала под механическую пилу рукой Женя Батова.

Однако никакие трудности не могли подавить нашей жизнерадостности, поэтому в редкие свободные минуты мы забирались на штабеля дров и пели, пели о Москве, о друзьях, которые воевали, о родных, которых не было рядом. Однажды нам решили устроить концерт непосредственно в бараке. Представьте себе: громадную комнату, уже почти 10 часов вечера и больше половины спящих девчат. Несколько человек, лежа в постелях, слушают актрису, которая, то повышая, то понижая голос, читает лирические стихи. Как только голос ее повышается, то с какой-нибудь постели поднимается сонная голова: «Хватит вам, девчонки, давайте спать!» Мы зажимали рты подушками, а актриса, на минутку растерявшись, снова продолжала свою концертную программу.

Вспоминается еще один эпизод: чтобы обеспечить разгрузку плотов, нам прислали лошадей с возчиками. Девчата, никогда раньше не обращавшиеся с лошадьми, пытались

укротить их «пылкий нрав». Вот стоит Оля Ламанова, совсем маленькая по сравнению с громадной конягой и уговаривает: «Серый, ну я тебя очень прошу, вынь свою ногу из веревки, ну посмотри, как ты запутался. Ведь нехорошо!» Серый повинуется. И мы начинаем снова таскать тяжелые, набухшие в воде десятиметровые бревна вручную.

Особенно тяжело стало осенью, когда проливные дожди и холод сделали нашу работу даже опасной из-за ветхости трапов, по которым мы поднимались со дна баржи.

Только через пять месяцев мы возвратились в институт и снова – за сессию.

Здесь написано только об одном, а сколько таких трудностей было в войну!

Запомните, друзья: те, кто учился все годы войны, не имели ни одного дня каникул.

«Менделеевец», 1965, №16

Комсомольцы в серых шинелях

**П. П. Гук, полковник запаса,
преподаватель кафедры политэкономии**

1942 год. Бушует пламя войны. Грозное время переживает наша Родина. На всех фронтах идут ожесточенные бои. Фронт требует людей и боевой техники. К этому времени увеличивается выпуск боевых машин реактивной артиллерии – «Катюш».

Комсомол Москвы и области посылает лучшие свои силы на комплектование ракетных подразделений. В мае 1942 года по инициативе МК и МГК ВЛКСМ создается первый в истории гвардейских минометных частей отдельный комсомольский полк.

На всех офицеров, особенно на командира полка Б. К. Василькова и на меня как комиссара полка, возлагалась большая ответственность. Ведь нужно было в предельно сжатые сроки подготовить к боям молодых, необстрелянных ребят, научить их обращению с грозной боевой техникой.

Свое боевое крещение полк получил на Воронежском фронте.

15 сентября 1942 г. завязались ожесточенные бои. 15 дней и ночей они не прекращались ни на один час. Отдельные населенные пункты переходили из рук в руки. Противник бросал в бой все новые и новые силы, в том числе авиацию и свою реактивную артиллерию, так называемые «Ванюши». От наших воинов требовалась исключительная стойкость, выносливость, смелость и решительность.

Наша молодая гвардия держалась на поле боя мужественно и достойно. Да, это были настоящие боевые орлята, и никто не подумал бы, что они новички в бою.

Комсомолец М. Садеков (с завода Лихачева) самоотверженно прикрывал своим телом радиостанцию от взрывов и осколков снарядов и тем самым обеспечивал непрерывность связи.

Комсомольцы К. Мотисон, Б. Дормидонтов и Архангельский (с завода АМО) показали себя бесстрашными разведчиками. Под огненным шквалом они пробирались поближе к противнику и корректировали меткость огня.

Комсомолец Е. Александров (студент Авиаинститута) был отличным наводчиком. Как-то во время боя вышел из строя весь орудийный расчет, сам он получил тяжелое ранение. Обливаясь кровью, преодолевая боль, Александров продолжал вести огонь по противнику.

Эти примеры героизма и отваги свидетельствуют о том, что москвичи с честью выдержали боевой экзамен.

В ноябре 1942 г. полк участвовал в битве за Сталинград. Поддерживая танковое соединение, в условиях бездорожья комсомольский полк совершил 200-километровый рейд по

окружению противника. Комсомольцы В. Смирнов, В. Кизиченко, Гаврилкин, находясь в танковых экипажах, поддерживали связь со своими подразделениями. Когда их танки были подбиты, бойцы, несмотря на ранения, пересели на другие танки и продолжали боевой путь.

Командир батареи В. Шелковин, оказавшись на наблюдательном пункте в окружении противника, вызвал огонь на себя. Противник откатился назад.

Мужественно вел себя комсорг подразделения Ф. Бориськов. Своим личным примером, живым и бодрым словом он поддерживал высокий моральный дух у комсомольцев, а когда одна боевая установка оказалась без людей, сам стал вести огонь.

За годы войны полк побывал на многих фронтах и за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени.

В начале мая ветераны и наследники полка соберутся в Москве, чтобы отпраздновать свое 25-летие. МК и МГК ВЛКСМ проводят сейчас подготовку к празднованию юбилея. Вместе с однополчанами этот юбилей будут отмечать и учащиеся школы № 36 г. Москвы. Они организовали у себя музей боевой славы, построили возле школы обелиск в память о погибших воинах Московского комсомольского полка «Катюш», совершили ряд походов по боевому пути полка. Ветераны полка часто встречаются со школьниками столицы и области, участвуют в работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи и детей.

«Менделеевец», 1966, №15

Вы - выстояли, мы - победили

Л. Зубакова, доцент

Осенью 1941 года наступление на Москву гитлеровцы готовили как завершающую операцию всей русской кампании, они дали ей название «Тайфун», предполагая, видимо, что никакая сила не устоит против всесокрушающего фашистского урагана. Немцы ошиблись...

65 лет назад началось наступление советских войск под Москвой, которое коренным образом изменило ход Великой Отечественной войны. Подвиг героических защитников Москвы не померкнет в веках: в нем воедино слились величайшее мужество советских воинов, партизан, участников подполья, тружеников тыла.

Среди участников боев за столицу много менделеевцев – 50 человек были награждены медалями «За оборону Москвы». К сожалению, в живых сегодня осталось всего несколько человек... Поклон им до земли и вечная память потомков.

Столько лет прошло, но события тех огненных дней не оставляют равнодушными и нынешнее поколение студентов. Молодежная редакция «Менделеевца» подготовила к публикации воспоминания ветерана нашего университета доцента кафедры переработки пластмасс Зубаковой Людмилы Борисовны. Она пережила все ужасы войны в совсем юном возрасте. Ее ровесники взяли на свои детские плечи заботу о близких, встали к станкам, помогали взрослым в городе и на селе. Они выстояли, выжили, сохранили веру в Победу...

Война застала Л. Б. Зубакову в городе Богородицке Тульской области который был оккупирован немцами ровно месяц: с 15 ноября по 15 декабря 1941 г. – в период ожесточенных боев под Москвой. Детская память запечатлела тот суровый месяц на всю жизнь. Картины, которые она описывает, встают перед глазами, как живые.

Город Богородицк был интересен тем, что на самом высоком месте возвышался дворец графа Бобринского сына Екате-

рины II и ее фаворита Георгия Орлова... Во дворце был музей, но время оккупации немцы заняли дворец и музей разгромили. После войны мне довелось побывать в скромно восстановленном музее этого дворца, который существует поныне, постепенно пополняясь интересными экспонатами.

Моя семья (мама, брат и я) стали жителями этого города по случайным обстоятельствам, когда мой отец был отозван из отпуска в 1936 г. по указанию Ягоды и арестован в г. Александровске (о. Сахалин). Жить мы теперь могли только за пределами Московской области. Мать – инженер-геолог угольной промышленности, была направлена в Подмосковский угольный бассейн, в 1940 г. переведена в г. Богородицк на одну из шахт на должность маркшейдера.

Вот здесь и застала нас Великая Отечественная война. Немецкая армия была уже на подступах к Туле (приблизительно в 60 км от г. Богородицка), наши войска отступали южнее, Тулу немцам оккупировать не дали.

Все ученики, начиная с 6-го класса, в августе 1941 г. были направлены на трудовой фронт в колхозы соседних деревень для срочной уборки урожая. Мне было 13,5 лет, я только что окончила 6-й класс. Мы с раннего утра до заката солнца без выходных убирали хлеб: вязали снопы, складывали в крестцы сначала, затем скирдовали. Жили в деревенских избах по 10-15 человек, спали на полу и на чердаках – вечером падали уставшими и сразу засыпали.

Не могу не сказать о той доброте, с которой относились к нам хозяева домов в деревне Папоротка и в других деревнях. Мы стали членами большущих семей. За стол нас сажали вместе с семьей. Еда была одна: картошка с деревенским квасом, в котором была соленая капуста или селедка. Я и сейчас, вспоминая, испытываю сильное слюноотделение. Еда была действительно очень вкусной. О ней мы только могли мечтать в последующие годы войны. Был август – картофеля и молодого хлеба полно было в колхозах, тогда не голодали. Одна задача была – убрать урожай и не отдать его врагу. Хлеб сначала

Кричи, память!

спешно свозился на элеватор, потом раздавался по колхозам для сохранения: закапывали в землю мешки с зерном, чтобы после ухода немцев вернуть хлеб государству. Но стремительное отступление наших войск на юг от Москвы помешало осуществлению этих планов.

Если в сентябре мы только слышали взрывы снарядов и бомб, то в начале октября каждый вечер наблюдали великое зарево с грохотом пушек и бомбежек. Работать продолжали до конца октября. Стало холодно, теплую одежду привозили родители и давали колхозники. Родители были заняты подготовкой города на случай прихода немцев. Все продовольствие в магазинах и хлеб с элеватора раздавались бесплатно народу, когда оккупация стала неизбежной. Нас отпустили домой только в самом конце октября.

С 5 по 11 ноября 1941 г. Богородицк непрерывно бомбили немецкие самолеты, одна бомба попала в очередь продуктового магазина, погибло около 150 человек, в том числе жители нашего дома. Мама чудом уцелела.

Эвакуироваться из Богородицка практически никому не удалось – так стремительно фронт смещался на юг, чтобы спасти Тулу.

15 ноября немцы вошли в Богородицк. За 3-4 дня до этого горожане бежали от бомбежек в соседние деревни. После прихода немцев в город мы вернулись в свои квартиры, т.к. жить в деревнях в сараях и подвалах было уже невозможно. В 1941 г. рано наступила зима: в ноябре были уже морозы, но снег выпал гораздо позже – уже после начала наступления наших войск в боях за Москву.

В дни оккупации мы были вытеснены немцами из своих комнат на кухни и в коридоры. Комнаты были заняты во всех домах немецкой армией. Электричества и воды в городе не было. Немцы ставили времянки для освещения. Водопровод не работал, в колодцах частных домов вода пахла бензином, т.к немцы черпали грязными ведрами воду для автомашин. Единственным местом с водой был центральный водоем водо-

напорной башни города, которым пользовались сами немцы и охраняли его. Мы, дети-подростки, умудрялись выпросить ведро воды у дежуривших немцев, обращаясь на «ломаном» немецком языке.

За 4 недели немецкой оккупации войска СС в городе отсутствовали, немцы не успели проявить зверства по отношению к мирным жителям, чувствуя ненадежность своего положения на фронтах. Правда, в начале оккупации в городе были повешены 5 партизан.

Первые 2 недели оккупации немцы верили, что они победят. Начали организовывать людей на восстановление шахт, которые были затоплены нашими властями перед немецкой оккупацией. Неразобранный до конца хлебный элеватор был подожжен нашей властью, чтобы хлеб не достался врагу. Но гора зерна горит не ярким пламенем, а вспышками в отдельных местах. За время оккупации весь хлеб не успел сгореть, т.к. немцы тушили элеватор для себя. После завершения оккупации усиленно тушила наша власть. Много зерна сохранили. Хлеб для народа пекли из этого зерна и радовались, что хоть такой хлеб (с включением горелых зерен) выдавали по карточкам.

На третьей неделе оккупации мы стали слышать канонаду с востока от города и поняли, что скоро придут наши войска. Морозы достигали 30-35 градусов, а снега практически не было, немного только припорошило. Гром пушек, снарядов и бомб предвещал в начале декабря быстрое наступление наших войск.

Настал день 15 декабря. Рано утром немцы развозили по домам бочки с бензином, чтобы, уходя из города, поджечь все дома. Мы собирали свои самые необходимые документы и вещи и выносили из домов. Мама не могла участвовать в этом процессе, т.к. скрывалась от немцев в деревне в километре от города (немцы хотели заставить ее работать на восстановлении шахты, сосед-предатель донес, но ей удалось укрыться у надежных людей). Все спасенные вещи за один месяц проме-

Кричи, память!

няли на еду и остались нищими без крова – дом, где была у нас комната, немцы сожгли.

Этот день останется в моей памяти навсегда: немцы поджигают дома, жители с котомками и с детьми покидают город – идут в соседние деревни. По полям бродят брошенные коровы, козы, свиньи... Собаки тянутся за хозяевами... Кошки разбежались по подвалам...

Немцы, закутанные от мороза всякими тряпками поверх своих пилоток и сапог, идут со своим скарбом рядом нами, беженцами. Идут, понурив головы, не отходя от нас. А над нашими головами низко летают наши бомбардировщики. Без слез не вспомнишь, как летчики умудрялись даже подать нам знаки поддержки. Немцы знали, что бомбить беженцев наши летчики не будут, поэтому жались к нашему потоку. А когда беженцы расходились по деревням, немцы оставались одни на дорогах, слышны были бомбовые удары наших самолетов.

К вечеру 15 декабря город Богородицк полыхал. Немцев в нем уже не было, вошли наши войска – прекрасно одетые в новые полушубки, теплые шапки и хорошую обувь молодые солдаты - гордость нашей Красной армии.

Радости не было конца. Город горит, а кругом крики «ура» при встрече вернувшихся жителей с нашими войсками, которые гонят немцев от Москвы. Я потом написала стихи:

Пойдем, посмотрим – предложила мама,
Как опустевшие дома горят.
«Жалеть не смей!» Спокойно я стояла
И до подробностей запомнила ту ночь.
Как рядом женщина искала
Трехлетнюю обугленную дочь...

В декабре 1965 г. с группой сотрудников нашего института я отдыхала в подмосковном доме отдыха «Отрадное», сидела за одним столом с Виктором Львовичем Балкевичем. Зашел разговор о годовщине разгрома немцев под Москвой. Я рас-

сказала, что была в немецкой оккупации в г. Богородицке с 15 ноября по 15 декабря 1941 г. «А я в одну из ночей середины декабря 1941 г.», – рассказал В.Л. Балкевич, должен был передать в штаб особое поручение в районе г. Богородицка Тульской области. Я слез по нужде с лошади и еле-еле из-за мороза вновь залез на нее в больших муках около деревни Папоротка».

Как выяснилось, мы были на расстоянии полукилометра друг от друга. Я всегда помню это событие и стараюсь передать теплые слова его жене Екатерине Егоровне в дни Победы под Москвой 5-6 декабря и, конечно, в день Победы 9 мая.

Да, война закончилась уже давно, но даже страшно представить, какой неизгладимый след она оставила в душах и судьбах людей...

Читая воспоминания Людмилы Борисовны Зубаковой, мы убеждаемся в этом с новой силой.

«Менделеевец», 2006, №19

Бремя памяти

А. Жуков, доцент

*«Не знаете, чего ищите –
ищу бремени» .
Ф. Достоевский*

Эпиграф подарило воспоминание о случайной встрече на одной из проселочных дорог Смоленщины. В прокисший, хмурый осенний день у околицы небольшой деревушки стояла женщина в стеганном солдатском ватнике. У ног ее лежала вязанка дров. «Малый, – обратилась она ко мне по-крестьянски, без церемоний, – помоги поднять беремья». Мы предложили ей помочь донести вязанку, Она резко, даже сурово отказалась, сказав: «Это мое беремья...» И ушла прочь по вязкому суглинку, а мы пошли к пепелищу, заросшему сегодня молодой буйной порослью, а вчера бывшему смоленской деревней, сметенной пламенем войны. Той жесткой войны, тяготы которой вынесли и русские женщины: те, что на фронте, и те, что в тылу.

Более 30 лет работает на кафедре ОХТ Антонина Михайловна Маркова – строгий и справедливый человек, профессионально классный преподаватель и исследователь. Она из тех, кто в тылу впрямом смысле ковал победу.

Осень 1941-го года. Какой она была, нынче не каждый из ветеранов вспомнит. 15-16 октября 1941 г. Страшные, полные неведения дни обороны столицы. Антонина Михайловна – аспирантка 2-го года в институте стали. Как обычно пришла в институт, а на дверях надпись :»Институт эвакуирован. Занятий не будет«. Настроение – некудышнее не бывает, и вопрос «Что делать?» – где-то в подсознании. Не сразу разберешься, но характер и вера у нее твердой сибирской закалки.

Мысли об эвакуации не возникло, не сомневалась, что под Москвой раздробят зубы фашистскому зверью. Нужно работать, но где... Крупные предприятия, где она могла работать

инженером по специальности. практически все вывезены. Случайно узнала, что на небольшом заводике на Ленинских горах требуются рабочие на организуемое на оставшемся полукустарном оборудовании производство.

Работа была равна жизни, вот так к вере, характеру прибавилась надежда, надежда на жизнь, надежда на победу.

Приняли на работу с трудом, долго присматривались, взяли рабочей (о том, что она специалист, молчала – не взяли бы). И начались 3 с лишним года работы. Вскоре производство перевели с Ленинских гор на завод им. Ильича. В ее память особенно врезалась зимняя дорога на работу: до троллейбуса она в утренних сумерках пересекала по льду Москву-реку в районе Дорогомилова – мосты были заблокированы. И работа, работа...

А в свободные часы – донорство, дежурство в госпитале, очереди за хлебом по карточкам, как у всех, кто был в тылу. Работа была боевой, медаль за труд тоже – «За оборону Москвы».

После войны уехала работать на Север – в Мурманске была уполномоченной Госплана, начальником литейного цеха на судостроительном заводе.

Время, спрессованное в твердый кристаллический комок, вновь стало осязаемым, допускающим что-то другое, кроме работы: прогулки, театр, а уж путешественник она из самых неутомимых. И Север, и Подмосковье, средняя полоса России, все заповедные уголки Москвы – вряд ли кто видел и знает больше и лучше Антонины Михайловны.

Цену времени она знает как все ветераны. И если мы считаем время за символ изменений, то почему нужно обязательно его отсчитывать равными долями, почему большую долю нашего сегодняшнего времени не выделить для памяти и забот о наших ветеранах, той славной плеяде, к которой принадлежит Антонина Михайловна Маркова.

«Менделеевец», 1985, №6

P.S.

... В Белграде зимнее воскресное утро. Тихо, а всю неделю мела метель, заносы, гололед. Пустынно и на национальном кладбище, где похоронены 808 бойцов и офицеров Красной Армии, погибшие при освобождении югославской столицы. Туристы пробираются с красными гвоздиками к памятнику-мемориалу среди занесенных надгробий.

Старушка-мать скребет негнущимися пальцами обледенелое мраморное надгробие над могилой русского солдата, шепча имя не вернувшегося домой 35 лет назад сына.

Я узнал ее, эту мать - старушку в траурном уборе, рыдавшую ранним воскресным утром зимой 1979 года над обледеневшей могилой русского солдата.

***Это была она – наша бессмертная
благодарная память...***

Записки партизана

Народ выделял из своей среды талантливых организаторов народного ополчения, организаторов партизанской борьбы. От Дениса Давыдова до Ильи Кузина, от Надежды Дуровой к Зое Космодемьянской, от казака Платова к славным командирам партизан тянется непрерывная нить.

Емельян Ярославский
«Правда», 1 мая 1943 г.

Герой Советского Союза
Илья Николаевич Кузин

Слово о герое

Издательский центр Университета Менделеева к 60-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне подготовил сборник о партизане, Герое Советского Союза Илье Николаевиче Кузине.

«Записки партизана» – книга, составляющая стержень данного издания, написана в далеком 1942 году. Вначале с записками героя о событиях трагических дней осени и зимы 1941 года познакомились читатели всесоюзной газеты «Комсомольская правда», затем издательство «Молодая гвардия» выпустила в свет отдельный сборник 30-тысячным тиражом. Сегодня книга 1942 года большая редкость, разыскать этот раритет нам, менделеевцам, помогла руководитель Центра по связям с общественностью Некрасовской библиотеки Лютфия Надимовна Арифулова, большой друг нашего Университета.

Почему нам интересна и дорога память о герое Великой Отечественной войны И.Н. Кузине. Дело в том, что это небольшая частичка истории Менделеевки, так как здесь долгие годы в общих отделах работала жена Ильи Николаевича – Антонина Васильевна. У многих менделеевцев, наших выпускников дипломы подписаны ее каллиграфическим почерком.

Сын Ильи Николаевича – Василий, окончил факультет химической технологии силикатов, защитил кандидатскую диссертацию и долгие годы успешно руководит одним из отделов Менделеевки. Сегодня он ветеран Университета, редко какое общественно значимое событие Менделеевки проходит без его участия.

Я с большим интересом прочитал эту небольшую книгу из 1942-го года «Записки партизана».

Память о таких людях бессмертна.

***Ректор Университета Менделеева
академик РАН Павел Саркисов, 2005 г.***

Народная война в Подмосковье

«По мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».

Генерал Г. ГУДЕРИАН
участник битвы под Москвой

Партизанские формирования внесли значительный вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

К моменту начала Битвы за Москву в каждом районе области было организовано по два-три, а в отдельных районах - по четыре отряда, численностью от 25 до 75 человек.

В октябре - ноябре 1941 года на оккупированной врагом территории 27 районов действовал 41 партизанский отряд общей численностью 1800 человек. Боевые действия партизаны Подмосковья развернули в тот день и час, когда на территории области появились первые оккупанты. Взаимодействуя с частями Западного фронта, прикрывавшего столицу, они предприняли ряд тактически сложных боевых действий, вплоть до уничтожения целых вражеских гарнизонов. За период своей деятельности на оккупированной территории Московской области они уничтожили: 3700 солдат, 215 офицеров, 30 орудий, 4 самолета, 26 танков и бронемашин, 29 складов с боеприпасами и горючим, пустили под откос 3 поезда, взорвали 25 мостов, 53 легковые и штабные автомашины, 520 грузовых машин со снарядами и солдатами, перерезали 570 км линий связи, захватили 180 пулеметов, 915 винтовок.

Помимо ведения боевых действий, партизаны оказывали помощь бойцам и командирам Красной Армии в выходе из

вражеского окружения. Через линию фронта было переправлено более 30 тысяч человек. Партизаны укрывали и лечили больных и раненых военнослужащих.

Героическая деятельность партизан Подмосковья наводила страх на врагов, подрывала их моральное состояние и ослабляла боеспособность. Немецкому командованию пришлось снять с фронта пять дивизий, чтобы бросить их против партизан. Был издан специальный приказ, требующий публично вешать и расстреливать всех гражданских лиц, задержанных без немецкого пропуска. В битве под Москвой погибло более трёх тысяч партизан, многие пропали без вести.

После разгрома гитлеровских войск под Москвой партизаны Московской области были направлены в тыл врага, в оккупированные районы Калининской, Смоленской и Орловской областей, а также в Белоруссию и на Западную Украину. Это придало партизанскому движению еще больший размах.

Родина высоко оценила доблестные дела народных мстителей. Свыше 100 наиболее отличившихся в боях партизан, бойцов диверсионных групп и истребительных батальонов были награждены орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза было присвоено Михаилу Гурьянову, Зое Космодемьянской, Илье Кузину, Сергею Солнцеву, а впоследствии командиру угодско-заводского партизанского отряда Виктору Карасеву.

«Волоколамский край, 2009. № 31. 7 авг.

Министерство обороны СССР

ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

11 июня 1956 г.

№ 26809

г. Москва

Исп. вх. № 58578

ДИРЕКТОРУ МОСКОВСКОГО ХИМИКО-
ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени
Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

гор. Москва, Миусская пл., 9.

на № 02/ОК

Сообщаю, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.02.1942 года партизану КУЗИНУ Илье Николаевичу, 1919г.рождения, присвоено звание Героя Советского Союза, по должности командира группы подрывников.

Приказом Центрального штаба партизанского движения № 58/н от 24.06.1943г. КУЗИН Илья Николаевич, награжден медалью "Партизану Отечественной войны" 1 ст. по должности бригадира ударной группы подрывников партизанского отряда Волоколамского р-на.

2 экз.
исп Шмелев
ес

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО НАГРАЖДЕНИЯМ
И УЧЕТУ НАГРАЖДЕННЫХ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР танковых войск

Лозовский

ЛОЗОВСКИЙ

15 12 84
1956 года Я, *Горюхи Т.У.*
государственный нотариус, Московской государственной нотариальной палаты, удостоверяю достоверность этой копии - подлинником документа, в последнем подчисток, приписки, зачеркиваний и иных неоговоренных и.правлений или каких-либо особенностей не оказалось.
Э. зарегистрировано в реестре за № *8-15084*
Выдано государственной пошлины
Государственный нотариус

Гроза волоколамских лесов

И.А. Долгов

17 марта 1942 года Михаил Иванович Калинин вручал в Кремле награды советским партизанам. Всесоюзный староста чуть больше обычного волновался, а собравшиеся в зале народные мстители были настроены радостно, восторженно. Событие явно выходило за рамки обыкновенного ритуала. Еще бы! Гитлеровские войска отброшены от Москвы. Столица свободно вздохнула. Похоронена фашистская идея о блицкриге. И в изгнании непрошенных пришельцев участвовали не только советские войска, но и весь народ, в том числе партизаны. Михаил Иванович, вручив награды, назвал их самыми большими помощниками Красной Армии.

Всесоюзный староста говорил о том, что в лице партизан сельское и городское население временно оккупированных районов видит Советскую власть, а в соответствии с этим укрепляется дух борьбы, растет уверенность, что немецкие захватчики будут изгнаны.

Слушал речь Калинина, своего земляка, и Илья Кузин, невысокий, черноволосый, с острым, внимательным взглядом юноша. Ему Михаил Иванович только что вручил Золотую Звезду Героя и орден Ленина. Ну как тут не волноваться? Какая пережитая зима! С трескучими злыми морозами, рискованными вылазками в тыл врага, невероятными лишениями. И фашистам дали по зубам! Он рассказывал об этом московским рабочим, корреспондентам газет. Елена Кононенко напечатала о нем большой очерк в «Правде». И сам Илья, выйдя из леса, взялся за перо, сочинил обращение к юношам и девушкам временно оккупированных областей с горячим призывом организовывать партизанские отряды, встать на защиту Родины.

– Фашистские звери, – говорил Кузин, – покушаются на свободу, независимость и счастливое будущее советской молодежи. Они хотят сделать нас безропотными рабами. Подлым пла-

Кричи, память!

нам гитлеровцев никогда не осуществиться. Сыновья и дочери советской Родины не могут жить в рабстве. Наша жизнь всегда была и радостной, и счастливой. Страна окружала нас заботой и вниманием. Мы могли учиться и работать. Я мечтал стать капитаном. Почти достиг своей цели: в двадцать один год уже плавал старшим штурманом на пароходе. Но война прервала мою работу. Твердо решил уйти в партизанский отряд.

Храбро и мужественно сражался наш партизанский отряд с ненавистным врагом. Мы изматывали немцев в ночных боях, устраивали засады на дорогах, истребляли живую силу и технику противника. Мы мстили за невинную кровь беззащитных детей, за поруганную честь наших сестер и матерей, за разоренные советские города, за сожженные деревни. Лично мною тогда было произведено 150 взрывов и истреблено большое количество немцев. Товарищи называли меня «грозой волоколамских лесов», и я с честью старался оправдать эти слова.

О себе, о своих переживаниях Кузин распространяться не любил. Но оставшиеся от той поры документы да рассказы товарищей раскрывают облик храбреца.

Илья рос бойким мальчишкой. Помогал отцу и матери. Знал все тропки в лесу, любил ловить птиц. Однажды, увлекшись ребячьей затеей, он упал с крыши и повредил себе ногу. По этой причине его не взяли на службу в армию, а когда добровольно вступал в партизанский отряд, от всех это скрыл. Сильно уставая, он незаметно прихрамывал на больную ногу.

В сентябре на Смоленщине немцы обнаружили партизанскую группу Кузина. Устроили засаду. Был один только выход – отсидеться в болоте. Двое суток Илья со своими друзьями просидел по горло в воде, в болотной холодной тине. Когда немцы ушли, стали выбираться. У Ильи распухла больная нога. Двигаться он не мог. Верные спутники вынесли его на руках, переправили через линию фронта, и он на неделю угодил в госпиталь.

Какие это были тяжелые дни! Илья мучился не столько физически, сколько нравственно, душевно: враг у Москвы, товарищи его в лесу, а он валяется на койке, ежечасно осматривая

свою опухшую ногу. Когда ж, когда она заживет?

Наконец его выписали из госпиталя. Куда направиться? Конечно же к родному комсомолу. В районных комитетах ВЛКСМ столицы набирали смельчаков для заброски в тыл.

– Пошлите меня! – попросил Кузин. – У меня есть уже не-большой опыт.

И снова жизнь в лесу. Вылазки на дороги. Взрывы. Погони и перестрелки. Голод и холод.

Илью Кузина назначили руководителем группы подрывников. Началась опасная работа, требовавшая и бесстрашия, и расчетливости. В одном из отчетов отряда приводится такой эпизод:

«По дорогам к Москве шли бесконечные вражеские колонны автомашин и танков. Боевая разведка установила, что гитлеровцы на лесной поляне организовали перевалочный склад боеприпасов и горючего, который охранялся автоматчиками. 22 ноября 1941 года на уничтожение склада послана группа подрывников в составе трех человек – Ильи Кузина, Андрианова и Потапова. Эта группа в белых халатах, используя ненастную погоду и темноту, в 7 часов вечера вплотную подошла к складу, изучила движение часовых, расположение склада и пути отхода. После этого было принято решение взрывать склад без снятия часовых.

Андрианов и Потапов вели наблюдение за движением часовых, а Кузин, вскрыв два бочонка с бензином, облил горючим имущество склада. К одному бочонку с бензином прикрепил бикфордов шнур, отвел его в сторону на 50 метров и после отхода товарищей поджег его. Раздался сильный взрыв, начался пожар. Находившиеся у склада часовые были убиты. Никто из группы от взрыва не пострадал. Взрывы и пожар на складе продолжались в течение пяти часов. Были уничтожены примерно 100 авиабомб, 300 орудийных снарядов, 5 тонн бензина в бочках, 30 ящиков с ручными гранатами и несколько сот тысяч патронов...»

Да, вышли они в ту ночь из вылазки. Судьбу партизан ре-

Кричи, память!

шали какие-то мгновения. Задержись они на несколько секунд у склада – и гореть бы им в страшном вихре огня.

В декабре Илья Кузин выполнял еще более сложное задание. В донесении об этом скупо рассказывалось так:

«14 декабря ударная группа под руководством командира Кузина на дороге между селениями Грибаново – Казарец (при усиленной ее охране вражескими солдатами и большим движением) с помощью мин взорвала три восьмитонные цистерны с бензином, шедшие на фронт... Зарево от пожара было видно на десятки километров. На место взрыва и пожара из деревни Грибаново спешно выехала фашистская автомашина с автоматчиками и пулеметом. Но, не доехав двухсот метров до пожара, автомашина тоже наскочила на мину и взорвалась. Потеря трех цистерн с горючим привела фашистов в бешенство. Они в течение двух суток вели непрерывный обстрел леса из пулеметов и минометов».

В донесении не сказано о том, как трудно было Илье и его шести товарищам пробираться к магистрали, каково недвижно лежать свыше пяти часов на снегу, в мороз, и ждать, ждать, когда пойдут автоцистерны. А когда они загорелись и все в темноте осветили, партизаны успели перебежать к другому участку дороги и заминировать его, чтобы закрыть путь гитлеровцам к пожарищу.

Так решительно, настойчиво действовал Кузин. Комиссар отряда восторженно рассказывал:

– Вот человек, которого можно считать настоящим героем. Какая силища в нем! Кинофильм можно о таком показывать, и, знаете, десять раз будут смотреть. В нем дух орла! А на вид такой невзрачный парнишка...

Да, сила и обаяние Кузина не во внешнем облике, а в его беззаветной верности Родине. Он отдавал ей все, что имел.

В поселке Шиморское Горьковской области на здании судоремонтного завода установлена мемориальная доска в память о Герое Советского Союза И. Н. Кузине.

Записки партизана

**Илья Кузин, Герой Советского Союза,
Москва, Молодая гвардия, 1942 г.**

МОСКВА!

Одно это слово согревает сердца миллионов. Москва – город трудящихся, город, где куются кадры стойких; большевиков. В московском Кремле живет и работает Сталин.

Подлые фашисты напали на счастливую нашу родину. Сотни деревень, десятки городов разграблены и превращены в дымящиеся развалины. Мирные жители, не успевшие уехать или уйти, истреблены лютым врагом. Началась безжалостная тотальная война.

Враг угрожал сердцу Страны Советов. И мирный город Москва стал городом боевого штаба. По улицам проходят отряды народного ополчения, на окраинах возведены укрепления: город готовится к долгой и жестокой борьбе. Тысячи комсомольцев-москвичей ушли на фронт, тысячи готовы пойти вслед за ними по первому зову правительства.

УХОЖУ НА ФРОНТ

Пароход давно миновал Каменный мост, а я, стиснув рукой перила, все еще гляжу на Зубчатые стены Кремля, стараясь запечатлеть «в памяти каждую башню, бойницу, звезды над башнями, и мысленно представляю себе человека, который дал мне возможность учиться и стать командиром такого красивого парохода. Совсем недавно я был студентом речного техникума. Я мечтал стать капитаном — и почти у цели: имея двадцать один год от роду, я уже плавал старшим штурманом.

Война прервала мою работу. Я не могу оставаться в стороне. Несмотря на то, что медицинская комиссия освободила меня от службы в Красной Армии, я по первому призыву ЦК комсомола пошел добровольцем – чувствую себя способным носить оружие и защищать родину.

Сегодня, 1 августа, – моя последняя вахта. Знаменатель-

Кричи, память!

ное совпадение – сегодня мне исполнилось двадцать два года. И вот, облокотясь на поручни мостика, я гляжу на Москву, где жил и учился.

Подходим к Бородинскому мосту. Ползут трамваи, движутся пешеходы. Увидев пароход, люди останавливаются, машут руками, а какая-то девушка бросила цветок, который был у неё на груди. Я поймал его в фуражку, долго смотрел на него. Люди не знали, что этот рейс – мой последний рейс. Размахивая фуражкой, я говорил про себя: «Москвичи, а еще вернусь! Вернусь, чтобы строить счастливую ЖИЗНЬ!»

Но вот и порт. Привычно нажимаю на ручку свистка, и знакомый грубоватый голос сирены тревожит людей на причалах. Последний – стоп – назад – стоп», – и пароход, шипя и свистя, стоит у причала. Вся команда вышла на палубу. Вот капитан, с которым я плавал два года. Он принял от меня вахту. Ему теперь придется работать за двоих. Крепко обняв меня, надевая фуражку, он проговорил:

— Ну, смотри, Илья, живым не сдавайся и без победы не возвращайся.

Смутно помню, как я сбежал по трапу на берег. Пароход медленно отчаливал; вдруг, разрывая тишину, раздались прощальные свистки, – капитан прощался со мной. Я снял фуражку и долго смотрел на уходящий пароход.

Кончилась мирная жизнь, началась военная. Я иду в партизанский отряд.

В ОТРЯДЕ

Нас было шестнадцать. Самому старшему, командиру отряда, – под пятьдесят. Это крепкий старик. Густая черная с проседью борода, веселые под лохматыми бровями глаза. Два месяца назад он был директором МТС. Но война перевернула жизнь, и пошел старый Гуцкей в партизанский отряд. Отряд состоял исключительно из молодежи. Здесь были два брата – Василий и Женя. Оба – комсомольцы. Вместе учились, вместе пошли в отряд. Из машиностроительного техникума добро-

вольцами пришли пятеро комсомольцев. Пришел украинец Петро, родом с верховьев Днепра. Он был у нас пулеметчиком. Пришел Мишка-повар, как мы звали его в отряде. И последними в отряд прибыли две девушки-санитарки – Зоя и Аня. Они окончили краткосрочные курсы медсестер и заявили о добровольном желании пойти в партизанский отряд.

Один за другим, хорошо вооруженные, с большими вещевыми мешками за спиной, мы проходили линию фронта. Справа, на Минском шоссе, шел жестокий бой, слева горела деревня. Откуда-то бил миномет, и мины с воем пролетали над нашими головами. Гуцкей, старый член партии, уверенно вел свой необстрелянный отряд. Изредка мы останавливались, вставали в круг и при свете небольшого фонарика сверяли по карте наш путь.

Я шел за Гуцкеем, крепко сжимая в руках винтовку; за поясом у меня были четыре гранаты. Не верилось, что где-то рядом враги. Ведь я шел по своей, родной земле! Но, взглядываясь в лица командира и товарищей, я читал в них настороженность. Кашлять нельзя. Говорили шепотом: по рассказам знали, что на деревьях часто прячутся «кукушки» с автоматами. Малейшая неосторожность могла погубить отряд.

Спустя четверть часа мы вышли на опушку. Совсем недалеко от нас послышалась звонкая немецкая команда, и тут же сверкнули вспышки огня и раздались выстрелы минометной батареи. Отряд инстинктивно подался назад и по команде Гуцкея залег. Я лежал за толстой сосной; по телу пробегала дрожь: враги были совсем рядом! Выстрелы всё учащались, путь отряду был закрыт. Оставалось два выхода: или вернуться, или с боем прорваться в тыл врага.

Гуцкей тихо совещался с политруком. Через несколько минут они собрали нас и рассказали обстановку.

– Выход один, – проговорил Гуцкей, – уничтожить батарею и в темноте пробежать открытую местность, пока она не освещена ракетами.

Возражений не было и не могло их быть: каждый из нас шел с одной лишь целью – уничтожать гадов.

Кричи, память!

Батарея, расположенная на поляне метрах в ста от леса, состояла из трех минометов. Справа слышались крики, брань, – фашисты окапывались на новой позиции. Слева протекала речка, на берегу которой стояли тяжелые орудия. Мы знали о них еще с вечера,

— Кто вызовется уничтожить минометы? – послышался шепот Гуцкея.

Я первым назвал свою фамилию. Вслед за мной вызвались Мишка-повар и политрук. Гуцкей не стал возражать, и мы, пригнувшись, с противотанковыми гранатами в руках, как тени, скользнули в темноту.

Отряд должен был следовать за нами, держась на расстоянии пятидесяти метров.

Лес кончался. Мы распределили щели. Мне досталась средняя. То на коленях, то на животе я бесшумно подползал к врагу. Редкие сосенки помогали маскироваться во время вспышек от выстрелов. Все яснее я различал силуэты немцев. Их было трое. Как заведенные, они методично вели огонь по нашей деревне. Я подполз совсем близко. Отсюда легко добросить гранату. По телу пробежал озноб. Руки лихорадочно дрожали. Но я не трусил: я был уверен в успехе дела.

Раздался резкий свист: условный сигнал к действию. Я рванул предохранитель и, стоя во весь рост, бросил гранату. Тут же я упал. Сильный взрыв, столб пламени. В следующее мгновение я был уже на ногах и со второй гранатой бросился вперед. Сзади бежали, товарищи. Миномет лежал вверх колесами, похоронив под собой двух фашистов, а третий, отброшенный взрывом, валялся рядом.

Почти того же добились на флангах Мишка с политруком. Я первым подбежал к лесу, и в тот же момент все кругом залилось ярким синеватым светом: немцы пустили ракету.

– Ложись! – раздалась команда Гуцкея.

Мы ничком бросились на землю. По месту палили из автоматов. Пули, срезая ветки, со свистом пролетали над нашими головами.

Ползком, прячась за деревья, мы уходили в глубь леса.

А через четверть часа двигались дальше – в тыл врага.

К рассвету мы отошли на пятнадцать километров от фронта. Выстрелы доносились глухо, в лесу стояла тишина, только щебетание маленьких птичек нарушало ее. Мы сделали привал, нарубили густых елок, соорудили большой шалаш, разложили костер. Многие растянулись на земле. А Мишка-повар, напевая, вместе с Аней стали готовить наш первый завтрак. Неподалеку расположился Петро с пулеметом. А я, растянувшись под густой елкой, вынул томик стихов Маяковского и углубился в чтение.

Подошла Зоя, стала в картинную позу и запела. «Мой костер в тумане светит...» Голос у нее очень хороший, но слушать у меня не было настроения. Я попросил ее уйти. Она и не подумала уходить, села рядом и серьезно спросила:

– Илья, ты не боялся, когда гранату бросал?

– А чего бояться-то? – ответил я. – Вот скоро поезда будем под откос пускать – вот это дело, тогда, Зойка, и тебе найдется работа. А сейчас пойдем завтракать: видишь, Мишка котелки приготовил.

Ну и вкусной же показалась нам гречневая каша! Завтрак прошел оживленно. Вспоминали, как переходили фронт. Ведь каждый из нас впервые слышал выстрелы и свист пуль.

Старый Гуцкей, похлопав меня по плечу, пообещал:

– Ну, парень, если только сбережешь свою голову, быть тебе героем.

Весь день отдыхали на временной стоянке, а вечером Гуцкей повел нас к шоссе. Все так же цепочкой, один за другим и немного согнувшись, шли мы едва приметной тропинкой. Под утро донесся шум. Работали моторы фашистских машин. Когда до шоссе осталось полкилометра, Гуцкей выслал разведку узнать, что это за движение и что за машины.

Собравшись в тесный кружок, мы дремали. Через полтора часа разведка вернулась и доложила о том, что по дороге беспрерывным потоком идут машины на фронт.

Днем минировать дорогу нельзя. Мы решили дожидаться ночи.

День тянулся медленно. Я и Маяковского почитал, и мины приготовил, и кинжал наточил о камни, а к вечеру совсем нечего было делать. Разве только с Зойкой поругаться. Эх, и не любила она меня за мои насмешки! Вижу, что-то у нее неладно с часовой миной. Как бы нечаянно, подхожу к ней и невинным голосом говорю:

– Ну, Зоя, лучше бы тебе сначала в часовую мастерскую поступить, а то сразу в отряд... Давай уж помогу.

Зоя, отдернув мину, зло ответила:

– Если ты будешь смеяться, я Гуцкею скажу.

Это на меня подействовало: с Гуцкеем шутки плохи. А Зойка недорого возьмет – скажет.

И я решил оставить ее в покое.

Около десяти часов вечера стемнело. Наш отряд двинулся к шоссе. Через полтора часа мы вышли на дорогу. Изредка проходят машины с маленькими фарами или, тарахтя, пролетит мотоцикл. Чем ближе к ночи, тем реже движение машин. Около двух часов оно совсем прекратилась.

Гуцкей разбил наш отряд на четыре группы. Мы должны минировать дорогу на протяжении трех километров.

Мне досталась правая сторона, и я со своей тройкой бойцов выступил на выполнение задания.

Вот и наш участок. Указываю Петро, где рыть яму для мины. Место выбрал в небольшой низинке. Немного подалее стал Мишка-повар.

Асфальт туго подавался под ударами кинжалов. После тридцатиминутного труда ямы были готовы. Я заложил мины, хорошо их замаскировал: теперь и днем трудно найти минированные места.

На место сбора мы вернулись первыми. Вслед за нами пришла четверка Гуцкея, а через полчаса явились и остальные. Уходить решили после первых взрывов.

В пять часов утра послышался шум машины. Она медленно

ползла с тяжелым грузом. Мина. Сильный взрыв. Столб огня, дыма, и машина заканчивает свой поход на Москву.

На другом конце раздается такой же резкий взрыв: вторая машина взлетела на воздух.

Мы не стали ждать дальнейших результатов. Знали и без того, что на четыре-пять часов движение по шоссе прервано.

Снова один за другим уходили мы в глубь леса, теперь уже в обратном направлении, к Москве, вслед за отходившими частями нашей армии.

В ЛЕСАХ

День за днем прошел сентябрь. Наш отряд не раз участвовал в боях. Десятки фашистов поплатились жизнью за то, что вступили на нашу землю. Шесть мостов было взорвано и сожжено на лесной магистрали, около двух десятков машин уничтожено нашими минами.

Еще дружнее сплотился отряд Гуцкея. Мы были одной семьей, крепко спаянной общими радостями, общими невзгодами. Однажды в Можайском лесу мы расположились лагерем на отдых. Нас трудно узнать – оборванные, разутые, загорелые; но каждый из нас сурово смотрит любой опасности в глаза. Начались заморозки, но ни одной жалобы не услышишь от партизана. Одна мысль: быть победителем или погибнуть.

Два дня вели разведку на железной дороге. Было выяснено, что ежедневно на семикилометровом участке проходит состав с грузом на фронт. Отряд принял решение: ночью уничтожить состав и прервать движение.

До вечера оставалось часа два. Большинство партизан спит. Мишка-повар набрал в лесу грибов, что-то варит в котелках. Третий день мы питаемся тем, что дает нам лес. Гуцкей и политрук смотрят на карту. Я, наломав еловых веток, лег на спину и вспоминаю свой пароход. Незаметно задремал. Проснулся к ужину. Грибная похлебка была горькая, но мы с удовольствием ее хлебали, похваливая Мишку.

После ужина раздалась команда Гуцкея «В ружье!», и через три минуты отряд в боевой готовности выступил на операцию.

Кричи, память!

Была темная осенняя ночь. Кругом тихо, только шуршат под ногами листья и трещат сучья. Отряд шел уверенно. Мы знали: ни один немец не осмелится остаться в лесу ночью.

Около полуночи подошли к опушке леса. В трехстах метрах пролегла железная дорога. Время от времени, ярко вспыхивая, взлетали осветительные ракеты.

Отряд, выставив дозорных, собрался в кружок.

– Товарищи, – тихо обратился к нам Гуцкей, – сегодняшняя операция сложная, требуется исключительное спокойствие, а главное – смелость. Возможно, придется погибнуть. Иного выхода у нас нет. Поезд должен быть взорван. Он пройдет в два часа ночи. Местность открытая и, как видите, освещается. Впереди поезда немцы пускают дрезину, на ней три прожектора и три пулемета. Из пулеметов они простреливают местность и впереди и по насыпи. Поезд без огня идет в трехстах-четырёхстах метрах позади дрезины. У нас нет шнура, чтобы взорвать поезд отсюда, из леса. Мину закладывать не можем, – взорвется только дрезина. Следовательно, выход один – итти на риск. Но мы не можем действовать всем отрядом. Это лишняя трата людей. Нужны два человека, которые, рискуя жизнью, должны взорвать поезд. Задача такая: выбрать удачное место для взрывчатки, заложить заряд (шнура у нас семь-восемь метров), соединить шнур и самим залечь с батареей. Нужно пропустить дрезину, а поезд взорвать, – твердо закончил Гуцкей. – Ясна задача, товарищи?

– Ясна! – был дружный ответ.

– Кто желает выполнить эту задачу? Каждый из нас, даже Зоя с Аней, оказал твердо:

– Я.

Гуцкей улыбнулся. Потом сказал:

– Молодцы, ребята! Иного я от вас и не ждал. Ну, видно, придется мне самому назначить. Илья, ты пойдешь.

Я сделал шаг в сторону.

– Петренко, ты пойдешь.

И политрук стал рядом со мной. Через пять минут мы, нагруженные взрывчаткой, простившись с товарищами, исчез-

ли в темноте. Отряд в боевой готовности залег цепью за передними деревьями.

Вот и насыпь. Взлетела ракета, осветив открытое пространство. Мы легли и подождали, пока ракета догорит. Я успел выбрать место для закладки заряда. Это был поворот железной дороги. Не доходя до него семи метров со стороны, откуда ожидался поезд, мы заложили заряд под шпалу, хорошо замаскировали, протянули шнур. Там, где был поворот, вырыли в насыпи узкие траншейки и окопались.

Пока работали, было жарко, но когда легли да еще засыпали себя землей, почувствовали озноб. Во втором часу я совсем заоченел. Ноги стало ломить, руки отнялись. Чувствовал, что замерзаю. То же и с Петренко. Слышал, как он дует на руки. Но разве этим согреешься? Уйти же, не выполнив задания, и мысли не было.

Наконец издали донесся едва слышный рокот мотора. Вглядевшись в темноту, я заметил свет. Шла дрезина, а за нею поезд.

Как медленно тянулось время! Я считал секунды, выбивая зубами дробь. Все ближе и ближе дрезина. Яснее стал слышаться звук мотора, смешанный с трескотней пулеметов. Темнота рассеивалась, яркие прожекторы освещали пространство. Вот дрезина в ста метрах от нас, визжат пули над головой. Я боялся, что при таком ярком свете мы будем замечены. Дрезина – рядом. Прожекторы, осветив насыпь, скользнули дальше. Поворот спас нас: мы оказались в тени. Я слышал, как у наших ног впивались в землю пули. Но я был спокоен. В одной руке у меня шнур, в другой – батарейка от карманного фонаря.

Дрезина прошла, и вот из темноты, без огней, шипя и свистя, стал выползать паровоз – секунды казались днями, годами. Я уже не чувствовал холода. Глаза мои были устремлены вперед. Я ждал. Паровоз уже близко — пар долетает до нас. Я соединил провод. Раздался оглушительный взрыв. Все кругом осветилось. Взлетел большой столб огня, приподняв паровоз; черная махина, как бы нехотя, повалилась на насыпь.

За первым взрывом ударил второй. Я чувствовал, как на

Кричи, память!

меня валяются доски, песок. Прогремело еще несколько взрывов. И больше я уже ничего не видел и не слышал...

НА БОЛОТЕ

Очнулся, когда Петро с двумя товарищами несли меня к опушке леса. Земля озарялась вспышками. На месте насыпи образовался котлован. Вагоны были разбиты в щепки. Плавал удушающий дым. Еще раздавались частые взрывы: это рвались патроны.

Через час, как ни в чем не бывало, я шел впереди отряда. Только в ушах стоял звон, – я плохо слышал. У Петренко из ушей текла кровь, но он шел бодро. Ведь мы выполнили наше задание!

Всю ночь шел отряд. Все громче раздавались выстрелы. Уже виднелось зарево горящих деревень. Мы подходили к линии фронта.

Отряд принял решение перейти к своим. Большинство партизан было раздето, разуто, да и здоровье людей расшаталось. Выбрав хорошее место в густом ельнике, мы расположились на отдых, чтобы следующей ночью перейти фронт.

Не успели мы сложить из елок шалаш, как прибежал дозорный Петро.

– Товарищ командир, в нашу сторону немцы идут, – доложил он Гуцкею.

– В ружье! – раздалась четкая команда.

Отряд, готовый к бою, цепью залег за деревьями.

Через минуту показалась разведка врага. Шли два немца с автоматами в руках. Впереди бежала большая черная овчарка. В нескольких десятках метров за ними продвигался большой отряд, очевидно карательный.

– Огонь по гадам! – скомандовал Гуцкей. Раздались частые винтовочные выстрелы, и, заглушая их, затрещал пулемет Петро. Немцы что-то громко закричали и залегли за деревьями. Стали палить оттуда из автоматов. Я лежал за поваленной сосной, стрелял редко, лишь по видимой мишени. Обычно при

встречах с нами в лесу немцы отступали. Сейчас этого не случилось: видимо, они знали, что нас всего шестнадцать человек. Перебежками они приближались к нам.

– Приготовить гранаты! – услышали мы голос командира.

Я выбрал место, куда бросить гранату, и стал ждать команды.

– Огонь! – крикнул Гуцкей и первым бросил гранату.

Шестнадцать взрывов слились в один. Немцы, крича, побежали назад. Все пространство окуталось дымом. И сразу стало тихо. Только стоны раненых фашистов слышались невдалеке от нас.

И опять спокойная команда Гуцкея:

– С левого фланга по одному отступить по намеченному маршруту. Илья, веди отряд!

Я быстро вскочил и пошел впереди с компасом в одной руке и с гранатой в другой. Позади шли командир и Петро с пулеметом. Не успели мы отойти трехсот метров, как сзади послышались крики и стрельба из автоматов. Но мы были защищены лесом. Долго мы шли, все время слыша стрельбу автоматчиков. Они продвигались за нами на расстоянии примерно полукилометра, потом отстали, а к вечеру совсем прекратили погоню.

В шесть часов вечера, едва передвигая, ноги, мы подошли к деревне Брыкино. Более суток ничего не брали в рот. Мокрая рваная одежда прилипала к телу. Начал моросить дождь. Сели на опушке леса.

Какова же была наша радость, когда мы увидели неподалеку картофельное поле!

Аня, Мишка и Николай, пригибаясь к земле, с вещевыми мешками поползли за картофелем. Только успели они притащить полные мешки, как совсем недалеко залаяла собака. Мы, не теряя времени, ушли с этого места, взяв направление на деревню Яшино. Сзади громыхали выстрелы, но мы не останавливались, шли, зная, что в темноте нас нелегко поймать.

Кричи, память!

Через час показалась деревня, которую нужно было обходить по открытому полю.

Мы снова присели на опушке. Гуцкей, наклонившись над картой и освещая ее фосфором компаса, изучал местность. Но что за проклятая собака гналась за нами! Снова послышался лай, выстрелы, и, вероятно, из деревни взвилась ракета. Мы поспешно отступили в лес. Ракеты взлетали одна за другой. В деревне поднялся шум, выстрелы всё приближались. Мы оказались в ловушке и не знали, как из нее выбраться.

Но Гуцкей никогда не терялся. Он поднял отряд и повел в болото, лежавшее по правую руку от нас.

Другого выхода не было. Мы едва передвигали ноги. В голове шумело. Мешки с картошкой пришлось бросить – не было сил нести их. Преследователи приближались. Пули свистели над нашими головами. Вот фашисты дошли до болота. Слышны брань, крики, но дальше они не рискнули итти.

Мы прошли около километра, когда из деревни ударил миномет. Мина пролетела над нашими головами и разорвалась далеко впереди нас. За первым выстрелом раздался второй. Мы присели на сухих кочках. Выстрелы с правильными промежутками следовали один за другим. Но мы перестали обращать на них внимание: почему-то уверены были, что такой смертью, в болоте, не погибнем. На кочках оказался целый ковер клюквы, с каким наслаждением я ее уничтожал! Товарищи последовали моему примеру.

Под утро миномет перестал бить, и мы, стоя на коленях или сидя на корточках, задремали.

Бледные лучи рассвета осветили наше убежище: редкие чахлые деревья, кочки, покрытые мхом и клюквой, и кругом вода, вода... Болота не пройти... Мы это знали, да и сил наших не хватило бы на такой поход!

День тянулся медленно. Мокрые ноги озябли и стали затекать. Язык от клюквы распух. Лица пожелтели. Еще сутки – и ни один из нас не выберется из этого болота.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Командир и Мишка ушли в разведку. Время клонилось к вечеру, а они не возвращались. Где-то за деревней шел жаркий бой. Часто разрывались бомбы, – наверное, бомбили с самолетов. Орудийные выстрелы сливались в один страшный гул. Пахло гарью: горела деревня.

Стало совсем темно. Мы уже потеряли надежду дождаться нашего командира. И вдруг неожиданно раздались выстрелы из пистолета. Послышались крики Гуцкея. А через несколько минут он с Мишкой и еще какими-то людьми подошел к нам.

– Товарищи, мы спасены! – крикнул Гуцкей. – Красная Армия отогнала немцев. Вот – пришли за нами,

Гуцкей указал на пятерых красноармейцев. Я попытался встать, но ноги отказались служить мне. Правая распухла и почернела. Тогда я почти не обратил внимания на это. Мне было радостно видеть бойцов, самых близких наших братьев.

Два месяца я бил врага у него в тылу. И вот теперь снова со своими! Я не замечал своих слез, ибо радость моя была радостью всего отряда. И плохо помню, что происходило после, когда меня несли красноармейцы. Я часто терял сознание. Но помню: когда меня вынесли из болота, нас обступили бойцы. Они дружески жали нам руки, набрасывали на наши плечи свои шинели, отдавали варежки, протягивали нам газеты и сахар, покрытый пылью.

Помню, молодой капитан подошел ко мне, поцеловал и громко произнес:

– Вас не забудет родина, вы – настоящие Народные мстители!

Но после дело пошло скучней. Медленно протекало время. Военный лазарет за семь дней так надоел, что лучше еще раз сидеть в болоте, только не в лазарете. И вот 1 ноября. Я вхожу в штаб армии. Как дружески меня приняли! Расспрашивали о наших действиях в тылу у врага. Но когда я спросил об отряде, полковник, глядя в сторону, сказал мне, что отряд отправлен на отдых. Разве мог я поверить этому? Разве Гуцкей пойдет от-

Кричи, память!

дышать? Я понял: отряд ушел без меня. Да и в самом деле, куда такому в поход: нога хромает, левый бок болит. Я понял, что больше мне в отряде не быть.

С поникшей головой, сунув документы в карман, вернулся я в свой родной город – Москву.

СНОВА В МОСКВЕ

Ноябрьская Москва... На всю жизнь сохранится в душе ее мужественный облик. Это были дни, когда фашисты с бешеной яростью рвались к нашей столице, когда линия фронта все ближе и ближе подходила к городу. По улицам Москвы двигались обозы воинских частей. Маршировали отряды рабочих, уходивших на фронт. Грохотали танки. В небе реяли самолеты, прикрывавшие Москву от ударов фашистской авиации.

В эти жаркие дни особенно тяжело было сознавать себя вне рядов бойцов, непосредственно защищающих родину. Частые встречи с товарищами, уходившими на фронт, только обостряли это чувство. Я все время жил воспоминаниями о горячих днях партизанской борьбы.

Однажды встретился с фотографом Федотовым, который в свое время сумел проникнуть в расположение нашего отряда и сделать несколько снимков в довольно рискованной обстановке. «Это требуется для истории», – говорил он тогда. Признаться, мы не очень-то верили, что у него что-нибудь выйдет: уж больно неподходящие условия были для съемки! Но теперь, в Москве, товарищ Федотов показал мне альбомчик аккуратно сделанных снимков.

Перелистывая его страницы, я вспоминал горячие боевые эпизоды. Вот взрыв вражеского склада... Вот мы минируем шоссейную дорогу... А вот сидим на корточках вокруг костра и терпеливо ждем, пока наш Миша-повар приготовит кашу из концентратов... Жалею, не сохранились полностью мои походные записи. Разве припомнишь теперь отдельные детали наших горячих боевых будней?

Вот увидел сейчас на фотографии Мищу-повара и вспомнил, как мы вместе с ним приняли участие в одной интереснейшей экспедиции. Эта экспедиция не ставила перед собой боевых задач: просто нам нужно было заглянуть в деревню, разузнать о врагах и раздобыть продовольствие. Но попутно пришлось решить и боевую задачу – покарать своей партизанской рукой предателя-старосту.

Еще не совсем стемнело, когда мы подошли к крайнему дому. Пробрались в сад. Молодая женщина вышла из дома с ведром и направилась к колодцу. Подошли к ней, поговорили. От нее узнали, что фашистов в деревне нет, а женщина эта, оказавшаяся женой председателя колхоза, радушно пригласила нас в избу. Колхозники рассказали о том, что деревню часто навещают враги; три дня назад они согнали все население к дому старосты и приказали немедленно собрать двести пудов ржи и пятьдесят шуб; сейчас староста, бывший кулак, собирает для фашистов и рожь, и шубы, и масло, и кур.

Гуцкей решил расправиться с этим предателем. Вместе с политруком отряда, Мишей-поваром и Петро отправился он к старосте, а мы остались нести боевое охранение. Позже Гуцкей рассказал нам об этом посещении:

Староста и по внешности оказался типичнейшим кулаком – здоровенный, краснорожий, в жилетке, с рубахой навыпуск, с золотой цепью на брюхе. Как выяснилось позже, он был осужден советской властью, потом бежал, скрывался. Когда пришли фашисты, он предложил им свои услуги. Те вернули ему дом, принадлежавший колхозу, наделили двумя колхозными коровами и семью овцами. Староста служил им, как собака.

Предатель встретил партизан надменно приняв их за колхозников. Но, увидев оружие, сразу обмяк. Гуцкей начал допрос. Староста отвечал тихо, словно нехотя, низко, опустив свою напояженную голову. Когда допрос был окончен, политрук написал в полевой блоккнижке приговор:

«Партизанским отрядом «Гроза фашистов» в деревне Н. был обнаружен, кулак Трофимов, который был осужден за под-

Кричи, память!

жег колхозного амбара. С приходом немцев вернулся и кулак Трофимов. Сейчас он собирает им рожь, одежду, продукты. Как изменника и врага родины партизанский отряд «Гроза фашистов» приговаривает кулака Трофимова к расстрелу».

Политрук передал текст приговора командиру, тот встал и огласил его. Предателя вывели в сад и расстреляли. Петро отпер амбар, где было сложено награбленное у колхозников зерно; теперь крестьяне могли взять обратно отобранное у них. Захватив зарезанную овцу, взятую во дворе старосты, мы вернулись в лес... Всё новые и новые боевые эпизоды всплывали в памяти. Я вспоминал, как мы встречали на шоссе вражеские обозы, как истребляли из засад автоматчиков, как оседлывали дороги, прерывая коммуникации. Боевая была жизнь! А как дружно жили в лагере, как приятно было отдохнуть после удачно проведенной операции!

Разведем костер, развесим котелки, сушим одежду, проверяем оружие. Ребята рассказывают разные случаи из жизни. Удивительные вещи приключались в мирное время с Мишей-поваром! Начнет рассказывать – катаемся со смеху.

Вспоминал я все эти истории, вспоминал жизнь отряда со всеми ее горестями и радостями, – трудностями и приключениями, и с каждым днем все сильнее тянуло меня к товарищам.

Для того чтобы снова бить фашистов, надо стать здоровым. Ну, а разве человек не выздоровеет, если по-настоящему захочет этого?

Стал я каждый день ходить на прогулки, делая по пяти-шести километров, по утрам и вечерам проделывал физкультурную зарядку. Здоровье постепенно восстанавливалось. Нога перестала ныть, я стал себя чувствовать значительно бодрее.

И вот, наконец, наступил счастливый день: мне было разрешено вернуться к боевой работе в тылу врага.

Придет время, я снова вернусь в Москву. «Приду!» – кричу я с быстро мчащейся машины. Еду защищать родную Москву.

В ПАРТИЗАНСКОМ ШТАБЕ

Снова Зеленый хвойный лес, но легкие заморозки уже сковали землю. Легко идти по первому снегу. Одно плохо: остаются следы. Нас двое – я и мой товарищ Костя Кауфман. Познакомились мы еще в Москве. Он – высокий, черноволосый, черты лица суровые. В партизаны ушел добровольно, оставив в Москве жену и двоих детей.

Мы идем уже вторые сутки. Линия фронта позади. Костя проверяет путь по компасу, я – по карте. За плечами несем по мешку мин. Мы слышали, что в этих местах действуют волоколамские партизаны, к ним-то и пробираемся.

Морозным ноябрьским вечером набрали наконец на партизанскую разведку. Шли едва заметной тропинкой, когда раздался громкий возглас: «Стой! Руки вверх!» Я отскочил за дерево, приготовил гранату. Перед нами были люди в гражданской одежде, но при оружии.

– Кто такие? – спрашивают нас.

Мы отвечаем:

– Свои.

И выходим на тропку.

Командир долго не верил нам, проверял документы, а потом повел на заставу. Там нас встретил комиссар отряда, Владимир Павлович Мыларщиков. Ему лет тридцать, но не бритое лицо старило его. Он долго допрашивал нас. Удостоверившись, наконец, что мы свои, сказал, подобрев:

– Подрывники мне нужны, принимаю вас в отряд. Но если измените – закон у нас суровый.

У землянок мы встретили командира отряда Бориса Васильевича Тагунова. Он носил лихо закрученные усы и круглую барашковую шапку, что делало его похожим на Чапаева.

С командиром мы вошли в землянку. Землянка большая, по стенкам нары, посередине печь. На нарах, держа котелки, сидят человек двадцать партизан. Было время обеда. Нам освободили место у стола, поставили два котелка жирных свежих щей, отрезали по ломтю белого хлеба. Отвечая на вопро-

Кричи, память!

сы, сыпавшиеся со всех сторон, мы рассказывали о Москве, о жизни страны, о своих партизанских делах.

Было еще светло, когда Женя, парнишка лет семнадцати, повел нас знакомиться с партизанским лагерем. Это целый городок. Четыре отлично замаскированные жилые землянки. Можно пройти рядом и не заметить их. Все землянки связаны телефоном между собой и с постами. Оборудована кухня, где готовит пищу бывший шофер, ныне шеф-повар отряда Илья Платонов. В землянках же расположены баня, оклады оружия и продуктов.

С такой базой, с такими запасами можно действовать целый год. Не добраться сюда фашистам! С двух сторон – большое болото, кругом лес; тому, кто хорошо не знает дороги, не пройти.

Когда мы вернулись, в землянке уже горело электричество, говорило радио. Все это – дело рук бывшего заведующего почтой Синькова.

Вечером в землянку пришел Михаил Петрович Ш. С первой встречи запомнились его энергичное веселое лицо, его любимая поговорка: «Портной любил порядок». Михаил Петрович долго беседовал с нами, а когда я рассказал о Гуцкее, сурово сдвинул брови.

– Молодец был старик, – проговорил он и, подумав, добавил: – Приходите утром в штаб, есть одно дело.

Утром мы пришли в землянку. За столом сидели командир отряда и начальник штаба Слепнев – тот, кто первым встретил нас у лагеря. Коротко они объяснили задачу: разведать движение на шоссейной дороге; если возможно, дорогу минировать.

Минут через десять я, Костя и местный партизан-проводник Потапов исчезли в густом лесу. Часам к пяти вечера вышли по которой двигались танки, автомобили, мотоциклы. Когда движение немного стихло, мы вышли на шоссе и с оружием наготове двинулись вперед, высматривая удобное место для минирования.

Вдруг увидели впереди двух неизвестных людей.

Сойдя с дороги, мы осторожно продолжали продвигаться по обочине. Вскоре увидели смутно темневшие в сумерках груды ящиков, накрытых брезентом. Возле них – часовые. Ясно – склад.

Мы обошли его с другой стороны. Часовых оказалось только двое. Оценив обстановку, мы решили уничтожить склад.

Я отдал команду:

– Костя, наблюдай за правым часовым. Если он заметит меня, открывай по нему огонь. Потапов, сделаешь то же самое с левым часовым.

Ползком я добрался до первых ящиков. Видимо, склад временный. Открыл один ящик. Гляжу – винтовочные патроны. Подполз к другому штабелю. Здесь – длинные ящики со снарядами. Ползу дальше. Плетеные корзины. Открыл одну – авиабомбы. Рядом – ручные гранаты. В конце склада большими грудями навалены автомобильные покрышки. Тут же бочки. Подполз к одной, отвинтил крышку – полился бензин. Подождал, пока бензин подмочит ящики, вынул шнур, просунул один конец под ящики, другой отвел наверх. Осмотрелся, прислушался. Тихо. Распахнув пальто, прикрылся от ветра и поджег шнур.

Когда шнур зашипел, часовые встrepенулись, но с дороги не ушли.

Едва я успел вернуться к товарищу, как ударил глухой взрыв. Это вспыхнул бензин. Мы отбежали к лесу, остановились, прислушались. Раздался сильный взрыв авиабомбы, потом другой, и часто-часто начали рваться снаряды, патроны, гранаты...

На заставе нас ждал Владимир Павлович. Обняв нас, он сказал:

– Вот это настоящая партизанская работа!

Всю ночь горел склад и рвались снаряды. Утром разведка донесла, что движение по дороге прекратилось.

БОЙ НА ДОРОГЕ

С Костей Кауфманом мы простились на следующий день. Его взяли в другой партизанский отряд. Проводив до заставы, я долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за деревьями. Чудесный товарищ!

Я получил задание прервать движение на главной прифронтальной магистрали немцев. Охотников на эту операцию вызвалось много. Мы отобрали комсомольцев: Женю Бриллиантова, Женю Щучкина, Александра Краснова, Николая Краюшкина, Василия Филиппова, подрывника Андриянова.

Филиппов хорошо знал местность. Собрали ребят в землянке и предупредили: «Возможно, погибнем. Кто не уверен в себе, пусть теперь же откажется». Но куда там! Ребята забросали нас вопросами: когда выступать, что брать с собой?

Вечером я у каждого проверил оружие, обувь, одежду.

Почти всю ночь мы не спали, изучая карту местности, готовясь к нашей операции. Под утро, едва успел заснуть, как меня уже разбудили. Партизаны собрались. Нас провожал комиссар. В три часа, на рассвете, вышли из лагеря. У заставы я попрощался с комиссаром, дал команду приготовить оружие, и мы зашагали по тропинке за нашим проводником Филипповым.

До самого вечера пробирались лесом, по пояс в рыхлом снегу. К вечеру вдалеке слышался шум моторов. Вероятно, там проходило шоссе. Оставив отряд отдыхать, мы с Краюшкиным в белых халатах отправились в разведку. Маскируясь кустарниками, добрались до шоссе. Фашистские мотоциклы, автомобили, тракторы проходили в нескольких метрах от нас. Это была одна из артерий, питавших вражеский фронт.

Наметив, где ставить мины, мы вернулись в отряд. Когда стемнело, отряд вышел на шоссе. Расставили людей в следующем порядке: Щучкин охранял левый фланг, на расстоянии двух километров от него лежал в засаде Краснов, остальные рыли ямы для мин. Мины я ставил сам. Потом мы замаскировали минированные места и ушли в лес, решив подождать до

утра. На наше счастье в лесу оказалась брошенная землянка, годная для жилья. Ребята залегли в ней спать.

...Шесть часов. Серый ноябрьский рассвет. Мы лежали на обочине дороги, нетерпеливо поджидая вражеские машины. Наконец, около семи часов на шоссе показали горящие фары. Тяжелый восьмитонный грузовик шел на фронт. С затаенным дыханием мы следили за тем, как он подъезжал к минированному месту. Столб пламени, резкий взрыв...

Скоро еще один грузовик с солдатами на полной скорости наехал на мину. И эта машина взлетела на воздух.

Оказалось, по шоссе шла целая автоколонна. Третья машина, пытаясь объехать взорвавшиеся грузовики, свернула с шоссе. Но и там стояла наша мина!

Колонна остановилась, солдаты высыпали из машин. Я дал команду: «Огонь по фашистам!»

Ребята только этого и ждали. Захлопали выстрелы. Фашисты падали мертвыми у машин. Некоторые из нас били бронебойными пулями по моторам. Загорелось несколько грузовиков.

На шум и стрельбу из деревни прибежал отряд человек в сорок. Двумя цепями он пробовал окружить нас. Новая команда. Ребята открыли огонь по наступающим. Враги повернули обратно.

Через пять минут из деревни по опушке леса стал бить миномет. Основное было сделано, и мы решили отходить. К полудню вышли к другому шоссе. На этот раз решили встретить фрицев еще «теплее». Расположились за деревьями, в нескольких метрах от дороги.

Через полчаса послышался шум идущей машины. Когда она поравнялась со мною, я швырнул в кузов гранату. Но шофер уцелел и дал газ. Партизаны не растерялись – открыли стрельбу. Первыми же залпами шофер был убит, грузовик врезался в дерево. Через несколько секунд из-за поворота вылетели еще два грузовика. Одной машине удалось проскочить. Правда, Краснов успел швырнуть гранату в кузов. Когда поравнялась

Кричи, память!

вторая, я бросился к ней с гранатой, В кузове сидели двадцать солдат. Мелькнули винтовки, цветные женские платки на головах у фрицев... Швырнул гранату в этот клубок. Взрыв – и шофер увез с собой мертвецов.

В этот момент из-за поворота выскочили еще две машины. Солдаты открыли сильный огонь. Я бросился в лес по другую сторону дороги, так как не успел добежать к своим. Вижу, партизаны отвечают фашистам. Машины остановились. Минут двадцать шла перестрелка. Вдруг с другой стороны показались два грузовика с автоматчиками. С ходу автоматчики соскакивали на землю и двумя цепочками бежали к отряду.

Был тотчас же отдан приказ:

– Филиппов, принимай команду и веди отряд на базу!

ПОГОНЯ

Партизаны отходили в лес. Фашисты бросились за ними, но, встреченные огнем, вернулись на дорогу. Несколько солдат подбежали к разбитой машине и, разостлав брезент, положили на него шестерых убитых. Не успел я устроиться поудобнее для наблюдения, как офицер, размахивая парабеллумом, указал в мою сторону. Группа автоматчиков побежала ко мне. Я открыл огонь из маузера. Расстреляв весь магазин, вскочил и бросился в лес. Фашисты – за мной. Пули бороздили снег у моих ног. Вскоре преследователи отстали. Минут через пятнадцать я оказался у дороги, которую мы минировали два часа назад.

Присел на пенек, вынул карту, компас, Только собрался ориентироваться, как послышался шум мотора. «Да ведь у нас здесь мины!» – вспомнил я. И не успел сложить карту, как рядом раздался взрыв... Машина взлетела на воздух. Снег кругом стал черным: рожь из машины рассыпалась при взрыве.

На дороге раздались выстрелы и крики. Враги шли по моим следам. Я вскочил и побежал, укрываясь в низком кустарнике. Отбежав с полкилометра, выбрался на опушку. Недалеко проходила дорога, виднелась деревня. Дальше бежать было не-

куда: позади – враги, впереди – чистое поле и дорога, занятая врагом.

Не успел придумать что-нибудь, как увидел лошадь, запряженную в сани, на которых сидели две девушки. Я подбежал к ним и спросил, где деревня Х., от которой знал дорогу на базу. Девчата засмеялись, указали на деревушку. Одна, улыбаясь, опросила:

— А ты откуда идешь?

— Отстал от части, – ответил я.

— С гранатой и наганом? – смеясь, добавила другая.

— Ну, ладно, девчата. Скажите лучше, как добраться до деревни. Но только, чтобы фашистов там не было!

— Садись, подвезем, – серьезно сказала девушка.

Вдали показались вражеские машины. Раздумывать было некогда. Вероятно, уже по всем дорогам скакали верховые, мчались мотоциклисты, разыскивая партизан. Я быстро вскочил в сани, зарылся в сено, перезарядил маузер. Девчата, погоняя лошадь, запели.

Все обошлось благополучно. Лошадь бежала бойко. Через полчаса я был уже в деревне. Крепко я поблагодарил девчат. Когда они скрылись из глаз, кинжалом перерезал в двух местах немецкий телефонный провод, тянувшийся вдоль дороги.

Какой-то старик удивленно открыл рот: он знал, что за порчу связи фашисты расстреливают.

Я подошел к старику и спросил:

— Дедушка, фашисты есть здесь? Старик пришел в себя.

— Нет в деревне фашистов... Они только на ночь останавливаются.

Поправив мешок за плечами, сжав в одно руке гранату, в другой маузер, я пошел через деревню. Крестьяне провожали меня взглядов

Четыре деревни попало на пути, но ни в одной из них не было гитлеровцев. Деревни лежали в стороне от больших дорог, затерянные в глухих волоколамских лесах.

Рано утром я пришел на свою базу.

Кричи, память!

С тех пор каждый день наша группа отправлялась на боевые задания. Не было дороги во всей окрестности, где бы не раздавались партизанские взрывы. Однажды группа встретила штабную машину. Фашисты пробовали отстреливаться. Мы всех уложили на месте. Забрали у офицеров пропуска, оружие, на черном кузове написали мелом: «Так будет с каждым, кто придет на нашу землю».

МЫ ВЗРЫВАЕМ МОСТ

Вскоре наша группа получила приказ взорвать мост, по которому враги подвозили фронту бензин, боеприпасы и продовольствие. Мне и Мише-повару поручили снять часовых у моста.

Стояла холодная ночь. Моросил дождик. Перед рассветом мы вышли к мосту. Впереди виднелись темные фигуры часовых. Мы прыгнули в канаву и ползком, маскируясь в осоке, подобралась к мосту. Миша переполз на другую сторону. Мы условились одновременно, по сигналу, броситься на часовых.

Фрицы, продрогнув, подпрыгивали на месте, били в ладоши. Мы терпеливо лежали в канаве, дожидаясь удобного момента.

Фронт проходил километрах в пяти отсюда, и при непрерывных вспышках ракет мы ясно видели темные силуэты фашистов на мосту.

Я лежал, сжимая в руке кинжал. Действовать маузером было опасно: выстрелы могли услышать враги, находившиеся в соседней деревне.

Наконец я услышал Мишин свист. Мы одновременно вскочили и бросились на часовых. Они не успели даже повернуться.

Сняв часовых, мы свистом вызвали еще двух партизан, ожидавших в лесу. С обеих сторон моста была заложена взрывчатка. Я отослал товарищей и поджег фитиль, потом побежал в лес. Через несколько секунд раздался взрыв. Столб огня взлетел кверху, далеко осветив окрестность. Мост был уничтожен.

На этой дороге гитлеровцам пришлось на несколько дней прекратить всякое движение.

«СЛУШАЙ, МОСКВА»

После ряда операций мы решили доложить о своих действиях штабу партизанского отряда. Втроем отправились в штаб. Шли километров двадцать по глубокому снегу. В глухом лесу, далеко от дорог отыскивали партизанские землянки. Нас встретил командир Анатолий Григорьевич. Он всегда ходил с автоматом, с гранатами за поясом, в полушубке, носил большую бороду: настоящий партизан!

Штаб помещался глубоко под землей, в больших, просторных землянках.

Мы рассказали командованию о боевых действиях нашего отряда, о взрыве складов, мостов. Командир интересовался всеми деталями нашей боевой деятельности.

— Сейчас передадим ваши сведения в Москву, – сказал он.

Мы сначала подумали, что командир шутит, но видим: подходит к радиопередатчику и вызывает Москву.

— Слушай, Москва!.. Говорит штаб партизанского отряда... Москва, Москва... Говорит штаб партизанского отряда. Передаем нашу сводку.

Долго он передавал по радио о наших действиях. Сообщил обо всем, что мы сделали за последний месяц.

Когда через несколько дней нам через фронт доставили газеты, мы прочитали подробное сообщение о нашем отряде.

...Утром простились с командиром отряда, получили инструкции и отправились к себе.

СОБРАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ

Однажды командир с группой товарищей отправился в деревню проводить собрание колхозников. Фашистов там не было. Но все же вокруг деревни расставили часовых, на дороге установили ручной пулемет. Когда мы вошли в деревню, на улице собралась большая толпа колхозников, женщин, детей. Мы вошли в дом, поздоровались с хозяевами и вместе с Анатолием Григорьевичем уселись за стол в горнице.

Несколько наших ребят ходили по деревне, сзывая колхоз-

Кричи, память!

ников на собрание. Скоро в избу набралось человек шестьдесят. Пришлось открыть двери на улицу: народ стоял у крыльца.

Командир принес с собой из лагеря сводку Информбюро. С нее он и начал беседу о положении на фронтах.

Часть населения оккупированных деревень ничего не знала о ходе боевых действий. Колхозники задавали такие вопросы:

— Когда взят Ленинград? Разве Москва окружена?

Мы рассказывали колхозникам все, что знали.

В конце собрания Анатолий Григорьевич сказал:

— Товарищи колхозники, вы находитесь в оккупированном гитлеровцами районе. Фашисты недалеко от вас. Но русских людей враг не запугает. Советская власть прочно существует в нашем партизанском районе. Представитель советской власти – штаб партизанского отряда. Распоряжения штаба – закон для всех.

Собрание длилось минут сорок. Когда мы уходили из деревни, нас провожала большая толпа. Многие колхозники успели сходить домой и принесли нам припрятанное «на всякий случай» оружие.

Вскоре мы снова ушли в леса, взрывали склады, мосты, громили вражеские гарнизоны.

В бессонные длинные ночи мы прислушивались к грохоту приближающегося фронта. Наши наступали. Партизаны усиливали налеты на неприятельские обозы, на части, отступавшие на запад. Население деревень готовилось встречать своих освободителей.

Враги отступали...

Это было в морозные декабрьские дни 1941 года, когда наши части стремительным ударом на всех фронтах сломили сопротивление врага и погнали его на запад.

Наш партизанский отряд встречал врага миной и гранатой, пулей и штыком.

Фашисты крепко цеплялись за населенные пункты, за хаты, за тепло. Они боялись высунуть нос на русский мороз. Леса

были для них гибелью, теплые хаты – спасением. Однажды мы решили выбить фашистов из деревни, стоявшей на шоссе. Задача была ясна: захватить деревню, перерезать дорогу и задержать отступающие вражеские обозы. В деревне – около сорока фашистских солдат. Жили они там давно, освоились, целыми днями валялись на печи.

ВСТРЕЧА

Утром Слепнев ушел на лесозавод, куда должна была притти девушка из деревни и сообщить точные сведения о вражеском гарнизоне. Нападать решили ночью. Хорошо вооружились, захватили побольше гранат и к вечеру целиной, по глубокому снегу зашагали к лесозаводу. Там нас ждал Слепнев.

Вдруг видим: на опушке леса – всадники. Мы залегли в снег, приготовили оружие. И вдруг Слепнев идет к нам навстречу и кричит:

– Наши! Выходи, ребята!

И вот мы среди своих, родных, советских людей. Мы ходим по широкому заводскому двору, среди повозок, дымящихся кухонь. Красноармейцы тут же на снегу хлебают щи из котелков. И мы смеемся от радости, жмем руки незнакомым бойцам.

Потом приходит майор и передает приказание командира части: «Командованию партизанского отряда явиться немедленно».

Штаб полковника Чинчибадзе находился неподалеку от завода, в лесу. Нас провели в просторную землянку. Полковник, коренастый человек в простой гимнастерке, отдыхал на охапке сена.

Мы долго беседовали с Чинчибадзе, рассказали ему о своей боевой работе, о последних сообщениях Советского информбюро. Командир, в свою очередь, рассказал о действиях части.

Это был глубокий рейд в тыл врага. Прорвав в одном месте линию вражеской обороны, гвардейская часть полковника Чинчибадзе сделала сорокакилометровый переход и зашла в

Кричи, память!

глубокий тыл врага. У Чинчибадзе была своя кавалерия, лыжники, авиация. Это была отлично вооруженная и отлично обученная часть.

В первый же час знакомства с Чинчибадзе мы убедились в этом.

Вошел лейтенант.

— Товарищ полковник, разрешите доложить. Ваше задание не выполнено: в деревне сорок фашистов, мы вернулись обратно.

Чинчибадзе рассердился.

— Как вы смели вернуться? Сколько вас было?

— Трое, товарищ полковник.

— А врагов?

— Сорок, товарищ полковник. – Как же, – говорит Чинчибадзе, – вы, уральцы, втроем не смогли выгнать сорок фашистов?! Немедленно выполнить мое задание!

Лейтенант козырнул и вышел. Полковник тут же вызвал младшего лейтенанта и приказал ему:

— Следуйте за ними для подкрепления.

...Через несколько часов лейтенант вернулся взмокший, с перевязанной рукой, в обожженной шинели.

Гордо отрапортовал он командиру: – Ваше приказание выполнено, товарищ полковник. Шестнадцать фашистов убито, остальные бежали. Деревня наша.

Несколько дней партизанский отряд и гвардейская часть полковника Чинчибадзе действовали вместе. Мы имели точные сведения о расположении вражеских гарнизонов и складов, знали схему минирования дорог и мостов. Все это пригодилось гвардейцам. Полковник решил итти дальше в тыл противника, предварительно уничтожив вражеский гарнизон в одном селе.

Днем мы незаметно подъехали к хутору, стоявшему неподалеку от села. Отсюда хорошо было видно, как по улицам ходили фашисты; можно было даже различить их замаскированные пулеметные точки.

На другое утро, на рассвете, конники-гвардейцы, внезапно выскочив из-за леса, лавиной ударили на село. У фашистов поднялась паника. Солдаты и офицеры выскакивали из хат полураздетые, ошалело стреляя наугад, и разбегались врассыпную. Гвардейцы в черных развевающихся по ветру бурках нагоняли гитлеровцев, и тогда в воздухе сверкали острые казачьи клинки.

На другой день наш отряд прощался с гвардейцами.

Чинчибадзе приказал выстроить своих бойцов на сельской площади. И вот ровные, литые ряды славных гвардейцев застыли в торжественном молчании.

Партизан было человек тридцать. Мы тоже выстроились на площади. А вокруг нас – свои, родные люди, колхозники.

— Смирно! – раздалась в морозном воздухе команда.

Полковник Чинчибадзе начал речь: о трудностях, которые еще предстоит преодолеть гвардейцам, об опасностях, которые ждут их впереди;

— Но мы знаем, – продолжал он, – о том, что и любом районе вражеского тыла встретим партизан — лучших наших помощников и друзей. Так пожелаем же им успеха в боях с Немецкими оккупантами! Пусть рука партизана всегда будет твердой, глаз – острым, сердце – мужественным.

И мы расстались.

Часть полковника Чинчибадзе отлично выполнила свою задачу, навела панику в фашистских тылах и благополучно возвратилась на советскую территорию. Об этом мы узнали позже.

***

Фашисты отступали... Ночью наш отряд занял еще одну деревню.

На рассвете вышли к околице. Настроение было приподнятое. И вдруг увидели всадника, во весь опор мчавшегося к деревне. Заметив нас, всадник нерешительно сдержал коня. Мы закричали: «Руки вверх!»

Конь взвился на дыбы, но Мыларщиков схватил его за уди-

Кричи, память!

ла.

Всадника окружили.

— Кто такой?

Не испугавшись, он опросил в свой черед:

— А вы кто такие?

— Партизаны.

Боец соскочил на землю, обнял нас, сказал:

— Здорово, ребята! Дайте закурить... Наконец-то мы с вами встретились!.. Идут части Красной Армии.

Глядим – скачут бойцы. Спешились – и к нам. Обнимают, целуют...

Это была самая волнующая, самая радостная встреча в моей жизни...

И вот – Москва, сердце родины. Я вижу ее прекрасные улицы, площади, звезды на башнях Кремля, мавзолей Ленина, запорошенный снегом... Кончился мой второй поход во вражеский тыл. Радостно сознавать, что боевые дела партизан сослужили родине службу и помогли Красной Армии разгромить под Москвой вражеские полчища.

Вожак волоколамской молодежи **В. Широков, краевед**

1 августа 2009 года исполнилось 90 лет со дня рождения Ильи Николаевича КУЗИНА, командира группы подрывников Волоколамского партизанского отряда, секретаря Волоколамского РК ВЛКСМ, Героя Советского Союза. Этот человек внёс большой вклад в восстановление разрушенного войной народного хозяйства Волоколамска.

В марте 1942 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в Кремле вручал партизанам высокие государственные награды. После церемонии «всесоюзный староста» за чашкой чая беседовал с Кузиным, рассказывал о своём посещении Волоколамска в 1921 году и напоследок пообещал: «Если в восстановлении города возникнут какие-то проблемы, обращайся: чем смогу – помогу».

В конце апреля 1942 года на пленарном заседании райкома партии, райисполкома и райкома комсомола обсуждался вопрос восстановления народного хозяйства Волоколамского района. Руководители предприятий сетовали на отсутствие стройматериалов и рабочей силы.

– А не обратиться ли нам к Калинин, ведь обещал помочь!
– предложил И. Н. Кузин.

Ранним майским утром В. П. Мыларщиков и И. Н. Кузин выехали в Москву. Милицейские и военные патрули, воронки на шоссе от взрывов авиабомб и артиллерийских снарядов, разбитая вражеская техника на обочине дороги – всё говорило о недавних ожесточённых сражениях на Волоколамском направлении.

Михаил Иванович Калинин встретил их как старых знакомых. Более часа беседовал он с волоколамцами, расспрашивал о положении дел в районе, о настроении людей, о ходе восстановительных работ. Во время беседы он звонил в различные учреждения, давал указания своим помощникам, свя-

Кричи, память!

занные с просьбой представителей Волоколамского района, в итоге – обещал помочь.

В конце июня 1942 года на станцию Волоколамск прибыли вагоны с кирпичом и цементом. По предложению Кузина был объявлен районный воскресник по вывозу строительных материалов.

В июле поступила новая партия стройматериала. Ждали нового поступления и в августе. Но В. П. Мыларщиков и И. Н. Кузин срочно были вызваны на бюро обкома партии, где им напомнили, что в дни оккупации пострадал не только Волоколамск, но и многие другие города и сёла, и посоветовали не заниматься самодеятельностью.

* * *

Восстановление разрушенного войной хозяйства района шло полным ходом. К осени 1942-го были восстановлены лесопильный, обозно-механический заводы, кирпично-гончарный цех, столярно-мебельные мастерские. Было восстановлено и одно из зданий ткацкой фабрики им. В. И. Ленина: на 83 ткацких станках изготавливали одеяла для фронта.

Однако район испытывал большой недостаток рабочих рук. Райком комсомола во главе с И. Н. Кузиным через газету «Московский комсомолец» обратился к комсомольцам Москвы и области с просьбой об оказании шефской помощи в восстановлении Волоколамского района. Трудящиеся Москвы, Ногинского и Балашихинского районов откликнулись на этот призыв: строительные бригады шефов возводили больницы, магазины, школы, жилые дома.

Волоколамский район стал родным для И. Н. Кузина, уроженца Тверского края. И волоколамцы помнят о партизане, комсомольском вожаке Кузине – одна из улиц города названа его именем.

«Волоколамский край», 2009. № 31, 7 авг.

Операция на реке Сестре

В. Беденко, бывший партизан волоколамского отряда

Туча исчезла, небо скрылось в испепеляющем, крутящемся потоке колючих хлопьев снега. Задул резкий, порывистый ветер. Вьюга неумолимо несется над полем, стирая с лица земли следы.

Тяжело идти заснеженной землей, когда за плечами тянет вниз тяжелый вещевой мешок, начиненный толовыми шашками, минами, патронами, гранатами, а на шее – автомат, бьющий по груди. Но идти надо, во что бы то ни стало надо.

Приказ был короток и предельно ясен: «Взорвать мост через реку Сестру у деревни Стеблево, остановить движение вражеских автоколонн, отступающих от Москвы».

И вот почти сутки небольшая группа партизан – 8 человек, борясь с непогодой, идет на юг, к дороге Клин – Лотошино. Впереди – проводник Матвей Щукин. Он хорошо знает эти места, не раз хаживал здесь в мирное время. За ним подрывники Илья Кузин, Александр Андрианов, Иван Никитин и мы, бойцы прикрытия. Чуть согнувшись, преодолевая встречный ветер, стараясь ступать след в след, идут братья Евгений и Сергей Бриллиантовы, Евгений Щучкин.

Прошли стороной деревни Курбатово, Кузьминское, слева осталась Теряева Слобода, откуда на рассвете должны тронуться на запад отступающие гитлеровцы. До цели уже недалеко. На этой дороге волоколамские партизаны в ноябрьские дни, когда немецкие войска упорно пробивались к Москве, не раз наносили удары по врагу. Здесь была проведена одна из первых боевых операций. Тогда на заминированном шоссе гитлеровцы потеряли штабной автобус, легковую машину и с десяток груженых боеприпасами автомобилей.

Теперь у нас и опыта побольше, настроение веселее: под Москвой Красная Армия перешла в наступление.

...Время к полуночи. Вьюга затихает, зато мороз крепче.

Кричи, память!

Вошли в стеблевский лес. По расчетам, близко шоссе. Как правило, с наступлением темноты немцы прекращали всякое движение по дорогам. А как сейчас? Прислушиваемся: тихо. Командир группы И. Кузин посылает в разведку М. Щукина. Он исчезает в придорожном кустарнике. Проходят минуты ожидания, и слышим короткий свист: значит, все в порядке.

И вот мы на дороге. До моста с полкилометра. По шоссе идти легче, здесь не так намело.

Не доходя по цели метров двести, Кузин дает команду остановиться. Остаются подрывник Никитин и два бойца. На подступах к мосту надо заминировать шоссе. Остальные пошли дальше по дороге.

Мост небольшой, но перекинут через глубокий овраг, по которому протекает Сестра. Взорвем мост – немецким машинам деваться некуда. С дороги не свернешь – кругом сугробы.

Кузин и Андрианов залезли под мост, определяют, куда заложить взывчатку. Снимаем мешки, вытаскиваем двухсотграммовые толовые шашки, похожие на куски мыла. Минеры захватывают их и снова скрываются под мостом. А наша задача – следить за дорогой.

Морозит крепко, хотя ветер утих. Пританцовывая, стараемся согреться.

Но вот появляются Кузин и Андрианов. Готово, мост заминирован. Под него уложено около трех пудов тола – взрыв будет приличный.

Вскоре подходят и наши товарищи, заминировавшие дорогу.

До рассвета надо коротать время, это часа четыре. Устраиваемся в придорожных кустах. Перекусили мороженым хлебом с салом. Кузин еще раз напоминает каждому о порядке действий. Правда, об этом уже было оговорено на базе, но здесь, на месте, все уточняется.

...Небо на востоке посветлело. Со стороны Теряевой Слободы завиднелись тусклые огоньки автомобильных фар. Команда: «Все по местам!» Залегли в кустах. Андрианов полез

под мост. У него самая ответственная задача: зажечь бикфордов шнур. 60 сантиметров шнура гореть будут, ровно минуту. За это время Андрианов успеет добежать к нам.

Машины все ближе, их много. Надрывно гудят дизельные моторы. Вот передняя машина подошла к минированному участку дороги. Взрыв! На шоссе поднялась неистовая стрельба, трассирующие пули веером кружатся вдоль дороги, по придорожному лесу.

Смотрим, бежит наш Андрианов. Только он с разбегу уткнулся в кусты – взрыв! Мост взлетел на воздух.

Задание выполнено. Мы отходим в лес. Совсем рассвело. Слышим со стороны шоссе еще два взрыва. Значит, сработали еще две наши мины. Стрельба в той стороне не стихает.

С востока раздается гул. На малой высоте летят краснозвездные «Илы». Над дорогой поднимаются клубы черного дыма, рвутся бомбы. Вовремя подоспели наши соколы!

Удачной была боевая операция. Разбито более пятидесяти автомашин, несколько бронетранспортеров. На сутки приостановлено движение немцев по шоссе Клин - Лотошино.

* * *

Четверть века минуло с тех пор. Где теперь волоколамские партизаны – участники дерзкой боевой операции? Несколько лет назад безвременно скончался командир группы Герой Советского Союза И. Кузин. На фронте под Смоленском погиб младший лейтенант Е.Щучкин. На пенсию ушел М. Щукин. В родном городе работает связистом Е. Бриллиантов, а брат его служит в Якутии, в органах охраны общественного порядка. Вернулся к себе в Кольчугин, что на Владимирщине, А. Андрианов. На Красной Пресне в Москве живет И. Никитин.

Память о тех незабываемых днях разгрома немецко-фашистских войск под Москвой жива в сердцах волоколамских партизан.

Содержание

Гордитесь подвигом народа! – Б. Громов 5

Москва – 1941 – Миусы

1. Сегодня была война (фрагмент истории МХТИ им. Д. И. Менделеева) – А. Жуков 9
2. Ушли первыми. Книга приказов по МХТИ 1941 г. 18
3. Говори память! – Б. Житов 38
4. Сотрудники Менделеевки, награжденные медалью «За оборону Москвы» 40
5. Время не властно над – В. Талисманов 42
6. Нам тогда было по двадцать – И. Гузман 45
7. Памяти брата моего брата – В. Арзуманян 47
8. Воспитанник Менделеевки – Е. Махонина, И. Новожилова 48
9. Отступить некуда – позади Москва – М. Катунский 49
10. Коммунист всегда в строю – К. Леонов 50
11. Ветеран войны и труда – Б. В. Андрианов 52
12. Кавалер Красной Звезды 54
13. В великой битве за столицу – С. Васильев 56
14. Подвиг моряков – Н. Бударейко 59
15. Защищая Москву – П. Лукьянов 62
16. Народное ополчение – А. Казанцев 63
17. Гвардии менделеевец – А. Жуков 65
18. МХТИ – фронт – В. Власов 68
19. В труде, как в бою – В. Лекае 69
20. Институт жил и работал – О. Бурмистрова, Н. Бахчисарайцьян 71
21. Все работали на победу – Е. Орлова 73
22. Наша помощь партизанам – Я. Паушкин 76
23. Испытания выдержаны с честью – В. Дубина 79

24.	Комсомольцы в серых шинелях – П. Гук	81
25.	Вы – выстояли, мы – победили – Л. Зубакова	84
26.	Бремя памяти – А. Жуков	90

Записки партизана

1.	Слово о Герое –П. Саркисов	95
2.	Народная война в Подмосковье	96
3.	Гроза Волоколамских лесов – И. Долгов	99
4.	Записки партизана – И.Кузин	103
5.	Вожак волоколамской молодежи – В. Широков	133
6.	Операция на реке Сестре –В. Беденко	135

Популярное издание

Составители:

ЖУКОВ Александр Петрович
ДЕНИСОВА Наталья Юрьевна
КУЗИН Василий Ильич

Кричи, память!

Москва–1945–Миусы
Записки партизана
*(К 70-летию разгрома
фашистских армий под Москвой)*

Редактор Н.Ю. Денисова
Верстка А.Ю. Ильин

Подписано в печать 28.11.1011 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 8,75
Тираж 200 экз. Заказ 104

Российский химико-технологический
университет им. Д.И. Менделеева

Издательский центр
Адрес Университета и Издательского центра:
125047 Москва, Миусская пл.,9

